

Стеганцев М. А.

Археологический детектив: куда исчез доярусный слой Новгорода Великого? (разыскания в печатных итогах раскопок Неревского конца)

Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.
Б. Пастернак. Иней.

Резюме. В статье рассматриваются публикации о раскопках в Неревском конце Новгорода Великого с целью выяснения причин отсутствия доярусного слоя в более поздних работах. В процессе исследования было выявлено, что в начальных публикациях А. В. Арциховский связывает номер яруса в раскопах I–XI с номером мостовой, ограничивающей его снизу, а Б. А. Колчин — с номером мостовой, ограничивающей тот же ярус сверху и имеющей на единицу меньший номер. Устранение этого несоответствия привело к уменьшению номеров мостовых на единицу. В результате доярусный слой исчез из дальнейших публикаций, а нижней границей 28-го яруса стал материк. Общие рассуждения о соотношении разновременных изводов (таблиц соответствия пластов ярусам) подкреплены разбором их использования в статьях МИА 65. Одновременно было выяснено, что последующие публикации распределений артефактов из раскопов XII–XX, XXI–XXV опережают такие же распределения из раскопов I–XI, т. е. однономерные ярусы различных раскопов не синхронны, и что описи находок Новгородской археологической экспедиции сохраняют доярусный слой. Извод, имеющий в основе дендрохро-

Stegantsev M. A. Archaeological detective: where has the pre-tier layer of Novgorod the Great got to? (investigation in the published data on the excavations at Nerevsky Konets). The article deals with the publications of the excavations at Nerevsky Konets of Novgorod the Great with the purpose of identifying the causes for the lack of pre-tier layer in later works. The author finds that in the initial publications A. V. Artsikhovskiy links a tier number in the excavations I–XI to a pavement number, limiting it from below, while B. A. Kolchin links it to a pavement number, limiting the same tier from above and having one less number. Elimination of this discrepancy has led to a decrease in the numbers of pavements by one. As a result, the pre-tier layer disappeared from further publications, and a lower limit of the 28th tier has become the mainland. General considerations about the relationship of diachronic versions (tables of correspondence between layers and tiers) are supported by the analysis of their use in papers published in “Materials and Studies in the Archaeology of the USSR”, vol. 65. At the same time, the subsequent publications of the distributions of artifacts from the excavations XII–XX, XXI–XXV are ahead of the same distributions of the excavations I–XI, i. e. one number tiers of different excavations are not synchronic, and that the

нологическую шкалу, созданную на материале раскопов XXVIII–XXXII, не ликвидировал этих недостатков. По этим соображениям в конце статьи делается вывод о необходимости опубликовать исходные материалы раскопок в Неревском конце и на их основе создать итоговую редакцию переводной таблицы пластов в ярусы.

Ключевые слова: доярусный слой Новгородского Великого, поярусные распределения артефактов, дендрохронологическая шкала Неревского раскопа, археологическая дискуссия 1959–1961 годов.

inventory of finds of the Novgorod archeological expedition retain the pre-tier layer. The version having as its basis a year-ring scale created in accordance with the material of excavations XXVIII–XXXII did not eliminate these drawbacks. In conclusion, the author stresses the necessity to publish the initial materials of excavations at Nerevsky Konets and to create the final version of the table of tiers of layers based on them.

Keywords: pre-tier layer of Novgorod the Great, tiered distributions of artifacts, year-ring scale of the Nerevsky excavation, archeological discussion of 1959–1961.

При изучении материалов раскопок из Неревского конца смущают разночтения, связанные с присутствием и отсутствием доярусного слоя в распределениях одного и того же артефакта. Доярусный слой в распределениях артефактов с Неревских раскопов полноправно присутствует в работах А. В. Арциховского, Б. А. Колчина, Ю. Л. Щаповой и Г. П. Смирновой, опубликованных в МИА 55 (вышли из печати в 1956 году). У первых трех в последний раз. В статьях А. Ф. Медведева и М. В. Седовой в МИА 65 (вышли из печати в 1959 году) также встречаются артефакты из доярусного слоя. Есть упоминания о доярусном слое и в статьях М. Д. Полубояриновой и Н. В. Рындиной в МИА 117 (вышли из печати в 1963 году). Все перечисленные выше работы готовились к публикации с начала 50-х годов XX века и были анонсированы А. В. Арциховским в 1956 году (Арциховский 1956: 18, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 36). В работах, подготовленных позднее, доярусный слой присутствует только там, где используются сведения из вышеуказанных статей, или у тех авторов, кто обращается непосредственно к отчетам. В сопутствующих дискуссии 1959–1961 годов статьях А. В. Арциховского доярусный слой отсутствует. Количественные распределения изделий из железа или дерева, приведенные в капитальных трудах Б. А. Колчина (Колчин 1959: 7–120; 1968; 1971), также не распространяются на доярусный слой. Сравнивая опубликованные им распределения золоченых и серебряных бочонковидных бус, лимонных бус и шиферных пряслиц с раскопов I–XI (Колчин 1956: 123, 124, 125) с такими же распределениями с раскопов I–XX, приведенными А. В. Арциховским (Арциховский 1959: 116, 119) в процессе дискуссии с Б. А. Рыбаковым, можно прийти к выводу, что доярусный слой исчез из рассмотрения руководителей НАЭ, а ранее опубликованные ими отложения артефактов в доярусном слое объединены с отложениями 28-го яруса. Произошло это в какой-то момент между концом 1956 года и серединой 1958. Складывается впечатление, что обращающиеся к отчетам и статьям до 1958 года выпуска не посвящены в какую-то тайну, объединяющую руководителей Новгородской археологической экспедиции (НАЭ). Ниже сделана попытка разобраться, в чем ее содержание.

1. С этой целью рассмотрим **последовательность публикаций о ярусах Неревских раскопов**. В одном из первых сообщений об археологических работах в Неревском конце А. В. Арциховский пишет (Арциховский 1951а: 78) о 25 мостовых на Холопьевой улице. «В процессе раскопок все окаймлявшие улицу

остатки построек были соответственно разделены на 25 строительных ярусов». Определение яруса, конкретнее — с какой из мостовых, его ограничивающих, он связан, не приводится. Нет его и в последующих статьях А. В. Арциховского (Арциховский 1953; 1953а) в журналах «Советская археология» и «Вопросы истории». В публикации А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова (подписана к печати 31.3.1953) первых 10 грамот, найденных на раскопе АЯ, также не определяется, с какой мостовой связан ярус, лишь сообщается (Арциховский, Тихомиров 1953: 55), что «археологическая отчетность... ведется как по строительным ярусам, так и по пластам». Вместе с тем в тексте для всех грамот указывается, между какими строительными ярусами (мостовыми) они находились, и ярус в их паспортах всегда совпадает с большим номером мостовой¹. Таким образом, можно констатировать, что *А. В. Арциховский ярус отсчитывает от нижней, большей по номеру мостовой, ограничивающей ярус.*

В следующей публикации грамот № 11–83 (подписана к печати 12.6.1954), найденных в первый сезон работ на раскопах I–VI, А. В. Арциховский дает определение основному понятию новгородской стратиграфии: «Строительный ярус — совокупность построек, одновременно воздвигнутых, а также все то, что перекрыто более поздним строительным ярусом. Основу для этого дают в Новгороде деревянные мостовые... В 1951 строительные ярусы были установлены по мостовым Холопьевой улицы, тогда она была единственной, в 1952 году они были установлены по мостовым Великой улицы (Арциховский 1954а: 7)». Здесь же приведено для раскопа АЯ соответствие 1–17-го строительных ярусов Холопьевой и 3–18-го Великой улиц. Ярус, как и ранее, отсчитывается от нижней мостовой.

После завершения раскопов I–VI А. В. Арциховский пишет (Арциховский 1954: 106): «Как и прежде, все постройки при изучении делятся на строительные ярусы, каждому из которых соответствует одна мостовая... Число мостовых на Великой улице достигает 28... В соответствии с этим все обнаруженные при раскопках постройки разделены на 28 строительных ярусов».

В статье о раскопах VII–XI (Арциховский 1955: 61) вновь идет речь о совпадении количеств мостовых и строительных ярусов, «которых здесь насчитывается 28». Забегая несколько вперед, можно констатировать: в литературе о Неревском конце во всех цитированных и нецитированных публикациях руководителей и сотрудников НАЭ *общее количество ярусов, как и мостовых, в раскопах АЯ-XXXIII равно 28*, на некоторых участках их может быть меньше, но больше никогда.

Отметим, что *при любой связи 28 ярусов с мостовыми последних должно быть 29*. Но так как мостовых все-таки 28, то какой-то крайний ярус должен быть открытым, не ограниченным мостовой. В случае, когда ярус считается над мостовой — это первый, когда же ярус считается под мостовой — 28-й. И так как именно он связан с последней (по литературе) мостовой, его нижней границей, в принципе, является материк. В этом случае для доярусного слоя места нет.

Фактическая картина, складывающаяся при изучении первого тома трудов НАЭ (МИА 55), сложнее. По абсолютной хронологии ярусов, опубликованной в нем (Колчин 1956: 137), у первого яруса есть верхняя граница, а у 28-го —

¹ Например, грамота № 1 (6–12–38, ярусология по Холопьевой) найдена «непосредственно на мостовой на глубине 2,4 м между 5 и 6 строительными ярусами» (Арциховский 1953: 46).

нижняя. Последняя, принимая во внимание наличие в доярусном слое артефактов (отложения скорлупы грецких орехов (Арциховский 1956: 27), различных бус, браслетов, шиферных пряслиц, гребенок (Колчин 1956: 123–125; Щапова 1956: 166–176)), не всегда совпадает с материком. Поэтому приходится предполагать, что там, где этот ярус существует, или учтенных мостовых было все-таки больше 28, или нижняя граница 28-го яруса на улице Великой, по крайней мере, в районе раскопов АЯ, I–III, IX–XI выделялась по каким-то иным признакам².

2. В первом томе трудов НАЭ МИА 55 (подписан в печать 24.05.1956, редакторы А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) А. В. Арциховский, подводя итоги работ на раскопах I–XI, сообщает (Арциховский 1956: 16): «Все сооружения хронологически делятся на 28 ярусов. Основу каждого яруса составляет уличная мостовая... но когда мостовая устаревала и культурный слой по сторонам ее нарастал, поверх клали новую мостовую. Всего мостовых на вскрытом участке Великой улицы оказалось 28. С каждой мостовой синхронны построенные одновременно с ней дома и хозяйственные сооружения... Совокупность срубов и других сооружений, одновременных одной мостовой, можно назвать строительным ярусом». Из этого следует, что у А. В. Арциховского номер яруса при атрибуции артефактов по-прежнему совпадает с номером мостовой, ограничивающей ярус снизу. Более ясно, где находится мостовая под номером N — в начале или в конце яруса с номером N — не сообщается; да это и неважно до тех пор, пока речь идет об относительной хронологии. Главное — привязка находок к ярусам. Позднее ярус будет определен четче. Ось времени присутствующего в статье распределения грецких орехов (Арциховский 1956: 27) начинается с доярусного слоя, в котором есть отложения, и направлена сверху вниз к ярусам с меньшими номерами. Также от больших ярусов к меньшим идет перечисление находок миндаля (Арциховский 1956: 27). Одновременно в том же сборнике Б. А. Колчин ярус определяет так (Колчин 1956: 49): «Ярус представляет совокупность хронологически связанных между собой уличных мостовых, жилищ и иных сооружений, массы разнообразных археологических находок, собранных в этих постройках или рядом с ними, и всего того, что перекрыто поздним ярусом, т. е. его кровлей, и лежит выше нижнего яруса, т. е. его постели... Основой яруса является деревянная мостовая Великой улицы... За шесть с половиной веков в Новгороде 28 раз поднимали уровень мостовой Великой улицы, т. е. последовательно уложили 28 мостовых, одна на другую». Определение яруса не очень четкое, связь однономерных ярусов и мостовых затемнена.

Описание планов ярусов в МИА 55 (Колчин 1956: 50–117) «начинается с мостовой, совпадающей по номеру с ярусом, и продолжается вглубь раскопа увеличением номера пласта» (Колчин 1956: 50). Следовательно, для Б. А. Колчина ярус N находится под мостовой³ с последовательным номером N.

² Это весьма вероятно, учитывая наличие мостовой 28а на раскопе X (Колчин 1956: 115). Кстати, на большом количестве фотографий срезов наслоений мостовых, публикуемых руководителями НАЭ (например, рис. 10 в статье Б. А. Колчина (1963: 17), или рис. 9 в статье Б. А. Колчина и В. Л. Янина (1982: 30)), их 28 (на рисунках они обозначены); и под последней, и над первой мостовыми есть культурный слой.

³ Подтверждением вывода являются неоднократные упоминания в тексте статьи о нахождении яруса под мостовой, примерно такого содержания: «Эта постройка была поставлена на месте сооружения 9Ы, которое разрушено задолго до пожара [9-го яруса], но уже в течение периода 9-го яруса» (Колчин 1956: 70); «Дом... был построен... еще

Все 14 табличных распределений и хронологические таблицы, опубликованные Б. А. Колчиным (1956: 120–127, 131, 132, 136), начинаются с ярусов меньших номеров и идут слева направо к большим, т. е. ось времени направлена справа налево (см., например, рис. 1).

Если же в распределении крайним правым оказывается 28-й ярус, то за ним в большинстве случаев следует доярусный слой, в котором присутствуют отложения.

Для дальнейших сравнений зафиксируем на относительной шкале местонахождение пожара 1267 года, выбранного Б. А. Колчиным в 1956 году в качестве опорного для абсолютной и относительной хронологий. «“Лют пожар”, уничтоживший дома, амбары, мастерские, сараи и другие постройки 12-го яруса, произошел вечером 23 мая 1267 года» (Колчин 1956: 134, 137), т. е. пожарище 1267 года находилось на границе 12-го и 11-го ярусов, а его абсолютная дата совпадает с датой нижней мостовой 11-го яруса.

В конце статьи Б. А. Колчин приводит абсолютные даты ярусов начиная с первого и кончая 28-м, при этом сначала указывается верхняя граница яруса (дата мостовой, совпадающей по номеру с ярусом), а затем нижняя граница (дата мостовой, следующей по порядковому номеру за номером рассматриваемого яруса). Например: «11 ярус. 80-е годы XIII века — 23 мая 1267 года. 12 ярус. 23 мая 1267 года — 40-е годы XIII века. 13 ярус 40-е годы XIII в. — 20-е годы XIII в» (Колчин 1956: 137). Ось абсолютного времени в последовательном перечислении ярусов и ось времени внутри яруса в публикации направлены справа налево.

Сформируем выводы. *В публикациях до 1956 года включительно существуют два извода переводных таблиц пластов Неревских раскопов АЯ-XI в ярусы; первый извод — А. В. Арциховского (будем называть его изводом 56У (университетским)), второй извод — Б. А. Колчина (будем называть его изводом 56И (институтским)). В обоих izvодах есть доярусный слой. При публикации распределений, созданных по разным izvодам, они отличаются направлением оси времени внутри ярусов и при их перечислении (для извода 56У ось времени направлена слева направо, для извода 56И справа налево). При атрибуции одних и тех же артефактов это ведет к тому, что по изводу 56У ярус на единицу больше, чем по изводу 56И. Из наличия в изводе 56И доярусного слоя и яруса 28 следует, что фактически на некоторых раскопах мостовых было более 28⁴.*

до пожара 12-го яруса — на рубеже 13-го и 12 ярусов» (Колчин 1956:70) и т. д. Упомянув о кладе (паспорт 27–30–312), Б. А. Колчин пишет (1956:129), что «он находился под слоем пожарища 27 яруса».

⁴ В тексте статьи Б. А. Колчина, помимо упоминания о мостовой 28а (сноска 2 на с. 121), имеется одна существенная оговорка, допускающая это предположение. Так, он пишет (Колчин 1956: 115): «В новгородской стратиграфии существует понятие “ниже 28-го яруса”. Под этим термином мы подразумеваем тонкий пласт культурного слоя, в котором еще обнаруживаются вещи X в. Эта прослойка (особенно на раскопах НА, НЯ, I и II) находится немного ниже соответствующего уровня 28-й мостовой и часто смешивается с предматериковым гумусом». Если ярус считается под мостовой (по всему тексту статьи Б. А. Колчина), то для наличия доярусного слоя их должно быть минимум 29; если над мостовой — текст статьи надо кардинально менять.

В 1982 году (уже есть дендрохронологическая шкала) в «Новгородском сборнике», посвященном 50-летию раскопок Новгорода, Б. А. Колчин и В. Л. Янин пишут о 27 ярусах деревянных мостовых, вскрытых на Холопьевой улице в раскопе НА+НЯ (Колчин, Янин 1982: 24), и о 28 ярусах на Великой улице в раскопах I–VI (Колчин, Янин 1982: 25).

По изводу 56У аттестованы грамоты до № 83 включительно, а также артефакты из статей А. В. Арциховского в журналах «Вопросы истории» (Арциховский 1951а; 1953а; 1954; 1955), «Советская археология» (Арциховский 1953) и в МИА 55 (Арциховский 1956).

3. Что атрибутировано Б. А. Колчиным в МИА 55 по изводу 56И, надо разбираться. В его статье «Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа» при обосновании абсолютной хронологии (Колчин 1956: 127–133) есть ссылка на 48 паспортов. среди них 34 взяты из статьи В. Л. Янина «Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг.» в этом же сборнике, 11 паспортов принадлежат нумизматическим находкам, три паспорта — грамотам № 94, 97, 98.

Для определения системы, по которой В. Л. Янин (и вслед за ним Б. А. Колчин⁵) определяет ярус вислых печатей, произведено сличение авторского текста Б. А. Колчина о расположении ярусов по отношению к мостовым и заимствованных им у В. Л. Янина сведений (Колчин 1956: 127–129). Результаты частично приведены в сноске⁶. Сличение (его итоги в сноске⁶ выделены полужирным) выявило атрибутиацию печатей по изводу 56У и определенную небрежность В. Л. Янина, и вслед за ним Б. А. Колчина⁷, выразившуюся в неразличении некоторых однономерных ярусов по Холопьевой и Великой улицам для раскопов I–III (подтверждающие сведения из сноски⁶ про 3-й, 4-й, 13-й ярусы выделены подчеркиванием). Это понятно, если бы касалось только печатей из раскопа АЯ (№ 5, 12, 32, 33, 36–40, 46) и с натяжкой может быть объяснено для раскопа I (печати № 1, 4, 7, 18, 29). Но по ярусам Холопьевой улицы шифруются также печати из раскопов II и III (например, № 8, 9, 10, 13, 19). Неясно, почему

⁵ «При определении и датировке печатей я пользовался этой статьей» (Колчин 1956: 127).

⁶ К 3-му ярусу относится 1 вислая печать, «найденная у самого настаила 3-й мостовой Холопьевой улицы (пласт 8, квадрат 243)» (Колчин 1956: 127). По В. Л. Янину (Янин 1956: 145) ее номер — **13**, паспорт — 3–8–243. Печать у мостовой, ярус над ней.

К 4-му ярусу относится печать, найденная «между 4-й мостовой Холопьевой улицы и домом 4М (пласт 8, квадрат 49)» (Колчин 1956: 127). Номер печати — **5**, паспорт — 4–8–49 (Янин 1956: 141). Ярус над 4-й мостовой.

К 4-му же ярусу относится печать, найденная «между 4-й мостовой Великой улицы и домом 4Е (пласт 9, кв. 229)» (Колчин 1956: 127). Номер печати — **20**, паспорт — 4–9–229 (Янин 1956: 141). Ярус над 4-й мостовой.

«В 8 ярусе... печать обнаружена во дворе дома 8Ж» (Колчин 1956: 128). Это печать № **19**, паспорт ее 8–12–274. (Янин 1956: 146). В ярусном описании раскопов Б. А. Колчин (1956: 64). относит ее по изводу 56И к 7-му ярусу. Этот просмотр подтверждает соотношение изводов 56У и 56И и использование В. Л. Яниным извода 56У.

«В 13-м ярусе обнаружена еще одна “Каллистова печать новгородского тиуна” — на 13-й мостовой Холопьевой улицы (квадрат 235, раскоп II)» (Колчин 1956: 128), номер ее — **9** (Янин 1956: 146), паспорт — 13–18–235. Таким образом, 13-й ярус над 13-й мостовой Холопьевой улицы. И т. д.

Позднее все привязки печатей к ярусам, приведенные в МИА 55 и МИА 65, перешли без изменений в капитальный труд В. Л. Янина «Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1, 2».

⁷ К моменту сдачи в печать МИА 55 уже опубликовано соответствие верхних ярусов Холопьевой и Великой улиц (Арциховский 1954а: 7) и сданы отчеты за 1952–1954 годы, в которых строительные ярусы раскопов II–VI связаны с мостовыми Великой (Колчин 1956: 50, сноски 1).

для печатей из раскопов I–III не осуществлен перевод ярусов по Холопьев улице в ярусы по Великой. И, судя по совпадению ярусологии у А. В. Арциховского и В. Л. Янина, это относится и к некоторым грамотам.

Подобное же сравнение ярусов (см. табл. 1) в паспортах нумизматических находок и паспортах изделий из железа (ярусология последних, как показано ниже, приведена к грамотам) выявило, что ярусология монет, за исключением происходящих из раскопа I, осуществлялась по системе «ярус над мостовой», т. е. по изводу 56У.

Таблица 1. Сравнение ярусов нумизматических находок, опубликованных в МИА 55, с ярусами железных изделий, опубликованных в МИА 65 и происходящих из тех же или смежных пластов и квадратов

№	Рас- коп	Монеты, МИА 55		Железо, МИА 65		Δ
		Стра- ница	Паспорт	Артефакт и его перемещение к МИА 55	Страница	
1	2	3	4	5*	6	7**
1	I	130	22–28–114	Игла 23-28-103, Г; нож 24-29-114	66, 120	–1
2	I	130	23/24–29–156	Сковороды 25-29-165Г, 26-30-146 ←	107	–1?
3	II	130	28–33–176	Ушко котла 28-33-156 ← + ←	105	0
4	III	129	27–30–312	Нож 26-29-313 ↑	120	0
5	V	130	16–19–411	Нож 17-20-406 ←, чепельник 18-21-411	Рис. 34.10; 105	0
6	V	130	23–24–393	Ножницы 24-25-383 ← + ←	60	0
7	VII	129	22–22–501	Сковорода 24-24-445Г	107	0
8	IX	129	5–2–662	Грамота 97: 5-2-662	71	0
9	XI	130	20–27–811	Ключ 21-26-823→; нож 21-27-800 L	88, 120	–1?
10	XI	130	25/26–30–841	Булавка 26-31-842↑	110	0

* — символ после квадрата паспорта из столбца **5** (← (влево), → (вправо), ↑ (вверх), ↓ (вниз), L (влево вверх), Г (влево вниз), J (вправо вверх), Г (вправо вниз)) показывает направление его перемещения для совпадения с квадратом из столбца **4**;

** — сдвиг в ярусах между приведенными к одному пласту паспортами монетных находок (столбец **4**) и изделий из железа (столбец **5**). Знак «–» (минус) перед сдвигом свидетельствует об опережении (более раннем появлении на временной оси) артефактом из столбца **5** монеты в той же строке при гипотетическом появлении первого в пласте и квадрате второй; знак «?» после сдвига — о приблизительности его величины.

Выпадение из общего правила монет из раскопа I можно объяснить тем, что эти монетные находки — они первые — атрибутированы по Холопьев улице, а сравниваемые с ними находки из железа привязаны в 1959 году к ярусологии по Великой.

Атрибуция грамот № 94, 97, 98 в той части текста, где Б. А. Колчин обосновывает абсолютную хронологию (Колчин 1956: 130), совпадает с опубликованной в дальнейшем А. В. Арциховским. Однако некоторые грамоты, текст которых

не позволяет привязать их к определенному ярусу, отстают по номеру яруса от неопубликованных к этому времени аттестаций А. В. Арциховского⁸.

Одни и те же находки, упомянутые А. В. Арциховским и Б. А. Колчиным в статьях 1956 года (стальной пластинчатый доспех — 9-й ярус, целые кричные клещи — 18-й ярус, голова мужчины на тонком стержне — 15-й ярус, обломки двух больших резных колонн — 20-й ярус) имеют одинаковый ярус⁹.

Приведенные в исследовании Б. А. Колчина сведения о распределении стеклянных бус (Колчин 1956:120–127) взяты без изменений из статьи Ю. Л. Щаповой¹⁰ «Стеклянные бусы древнего Новгорода» (Щапова 1956:164–179). В ее статье паспортов артефактов нет, а распределения бус даны в виде таблиц, которые строятся от меньших ярусов к большим (ось времени справа налево), причем в некоторых таблицах есть отложения в доярусном слое. Судя по расположению максимумов распределений бус на оси ярусов (Стеганцев 2010: 31–38), их аттестация проводилась по изводу 56У.

Наличие доярусного слоя фиксирует также в своей статье «Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.)» Г. П. Смирнова (Смирнова 1956: 228, 236). Но никаких паспортов, тем более распределений, в ее статье нет.

Таким образом, в 1956 году один и тот же пласт Б. А. Колчин и А. В. Арциховский аттестуют по-разному, первый относит его к ярусу и мостовой с последовательным номером N , второй — к ярусу и мостовой с последовательным номером $(N+1)$.

После выхода в свет МИА 55 с определенным ярусом уже связаны не только ранее опубликованные берестяные грамоты (Арциховский, Тихомиров 1953: грамоты 1–10; Арциховский 1954: грамоты 11–83), но и печати, монеты, I Неревский клад и количественные сведения о распределении артефактов из раскопов АЯ-XI.

В дальнейшем с увеличением раскопанной площади массивы данных будут увеличиваться, почти наверняка будет варьироваться и число мостовых в одинаковых стратиграфических единицах разных раскопов, и время их настилки. Однако из-за необходимости суммирования одновременных пластов разных раскопов в одни и те же промежутки времени все последующие разбиения культурного слоя должны быть привязаны к ярусам раскопов АЯ-XI, номера которых уже изменять нельзя. Мостовые же — их номера нигде не фигурируют — можно перемещать относительно ярусов, одновременно сдвигая, конечно, их нумерацию. Имеется, правда, небольшая неувязка — к некоторым названным номерам мостовых, а следовательно, и границам ярусов, уже привязаны конкретные пожарища.

⁸ Например, грамоты 105, 84 Б. А. Колчин (Колчин 1956: 95, 99) по изводу 56И относят к 17-му и 19-му ярусу, а А. В. Арциховский и В. И. Борковский (Арциховский, Борковский 1958а: 34, 9) по изводу 56У к 19-му (19–17–478) и 20-му (20–23–320) ярусам (труд А. В. Арциховского и В. И. Борковского опубликован позднее МИА 55).

⁹ Выпадает из этого ряда беговая лыжа. А. В. Арциховский относит ее к 13-му ярусу (Арциховский 1956: 29), Б. А. Колчин в тексте (Колчин 1956: 80) к 12-му, а на рисунке (Колчин 1956: 81) к 13-му ярусу. Скорее всего, это случайный просмотр Г. А. Колчина при сличении своего текста с текстом А. В. Арциховского. Но он подтверждает сдвиг между изводами 56У и 56И.

¹⁰ «Стеклянным бусам древнего Новгорода посвящена статья Ю. Л. Щаповой, напечатанная в настоящем томе. Материалами статьи я здесь пользуюсь» (Колчин 1956: 123).

4. Рассмотрение дальнейших публикаций начнем с грамот № 84–136, найденных в 1953–1954 годах (в основном раскопы VII–XI). При их опубликовании (Арциховский, Борковский 1958; труд сдан в набор 03.01.1958, подписан в печать 31.7.1958, отв. ред. Б. А. Рыбаков) еще раз констатируется: «На Великой улице Неревского конца открыто 28 мостовых, и строительных ярусов поэтому тоже 28. Когда мостовая устаревала и культурный слой по сторонам ее нарастал, поверх ее клали новую мостовую» (Арциховский, Борковский 1958: 5). Далее повторяется определение строительного яруса: «Совокупность срубов и других сооружений, современных одной мостовой», т. е. ярус над мостовой и совпадает с ней по номеру.

В монографии впервые рассказывается о работе по синхронизации различных раскопов (Арциховский, Борковский 1958: 5). «Сотрудники экспедиции участвовали в составлении огромных таблиц, где все участки всех уровней связаны с теми или иными ярусами. Всего пришлось при этом распределить по ярусам более 35 тысяч участков разных уровней... Только на основании всей этой гигантской работы можно было создать твердую хронологическую шкалу¹¹. Свел ее воедино Б. А. Колчин в специальном исследовании... Хронологические выводы Б. А. Колчина помещаю здесь». Так как автор свода Колчин, то речь здесь идет о создании извода 56И. Однако далее А. В. Арциховский приводит иные абсолютные даты ярусов по сравнению с опубликованными в МИА 55. В отличие от предыдущих публикаций у них нет дат с конкретными годами, есть римские цифры веков с дополнениями: начало, первая половина, середина, вторая половина, конец, рубеж. Например: «11 ярус — вторая половина XIII века, 12 ярус — середина XIII века, 13 ярус — первая половина XIII века» (Арциховский, Борковский 1958: 6). Это расширяет заявленные в 1956 году границы (см. раздел 2). Ось абсолютного времени внутри яруса, судя по его определению, направлена слева направо, а в последовательном перечислении ярусов — справа налево. В более ранних публикациях А. В. Арциховского последовательность перечисления ярусов совпадала с осью времени. Приведенный выше текст можно считать первой попыткой А. В. Арциховского найти компромисс между изводами 56И и 56У.

Издание грамот № 137–194, найденных в 1955 году на раскопах XII–XIV и XV–XVIII (Арциховский, Борковский 1958а; подписано в печать 22.8.1958, отв. ред. Б. А. Рыбаков), сопровождается повторением определения яруса и абсолютных дат предшествующей публикации (Арциховский 1958а:5). Текст описания грамот подтверждает совпадение номера яруса с его нижней мостовой.

В конце 1957-го закончены XIX и XX раскопы. Число раскопов почти удвоилось. Необходимо подводить итоги.

5. В 1958 году в журнале «Советская археология» № 2 (подписан к печати 20.4.1958) появляется **статья Б. А. Колчина «Хронология новгородских древностей»**. В ее начале при обсуждении абсолютной хронологии Б. А. Колчин ссылается на свое исследование 1956 года: «Эта хронология лежит в основе настоящей работы» (Колчин 1958: 92). И далее: «Установлено, что жилища, мастерские, служебные постройки и даже уличные мостовые 12 яруса сгорели 23 мая 1267 года. Этот день является, таким образом, концом бытования все-

¹¹ «Том таких таблиц хранится в научном архиве НАЭ при лаборатории ИИМК» (Колчин 1956: 50). По замечанию О. И. Богуславского, архива Новгородской экспедиции в перечне археологических архивов нет. Частично подобные таблицы есть в архиве Б. А. Колчина.

го археологического комплекса 12 яруса... При проверке учитывался весь археологический материал» (Колчин 1958: 92). Таким образом, для Б. А. Колчина — руководителя работ на территории раскопов — ярус Н лежит по-прежнему под мостовой Н, т. е. по отношению к созданной на основе раскопов АЯ-ХI абсолютной хронологии 1956 года и ее связи с ярусами никаких изменений нет (ср. построение рис. 1 и 2).

Реально наблюдаемая картина относительной хронологии следующая. Все приведенные в статье таблицы (Колчин 1958: 97, 99, 101, 103; 106) построены так, что нарастание номеров ярусов идет слева направо, а за крайним правым 28-м ярусом следует необозначенный доярусный слой (см. рис. 2), но ни одно распределение на него не распространяется (ср. рис. 1 и 2). Время бытования артефактов в вышеуказанных таблицах представлено в виде полосок с закругляющимися концами, гистограмм нет, максимумы у всех распределений (их 125) отсутствуют, т. е. абсолютные даты имеют смысл лишь для точек, выбранных на концах полосок. Этот шаг назад по отношению к распределениям, опубликованным в МИА 55, не случаен. Переход Б. А. Колчина от распределений с максимумами (Колчин 1956: 120–127, 132) к распределениям, фиксирующим только наличие артефакта в ярусе (см. рис. 2), связан с неопубликованной, но существующей и осознаваемой руководством НАЭ несинхронностью ярусов раскопов АЯ-ХI и ХII–ХХ.

Графики (рис. 3), совмещенные с ярусами и абсолютной шкалой времени, приведены только для четырех наиболее массовых категорий вещей — стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, стеклянных бокалов и южных амфор. На них выделен, но не обозначен, год, совпадающий с максимумом выпадения стеклянных браслетов (1240?).

Принимая во внимание вышеизложенное, а также исчезновение в публикации отложений в доярусном слое (см. рис. 2, 3) и их присоединение к 28-му ярусу (судим по сравнению численных поярусных распределений шиферных пряслиц в работах Б. А. Колчина 1956 и 1958 годов), можно утверждать, что в статье при создании демонстрируемых в ней распределений по-прежнему применяется извод 56И, но без доярусного слоя.

В том же номере журнала «Советская археология» при рассмотрении находок 1956 и 1957 года А. В. Арциховский (Арциховский 1958: 227) ссылается на абсолютную хронологию Б. А. Колчина 1956 года: «Хронология устанавливается (чем дальше, тем надежнее) по 28 строительным ярусам (см. статью Б. А. Колчина в этом номере журнала)». И далее: «Датировка всех ярусов ежегодно проверяется новыми находками» (Там же: 229).

6. Второй том трудов НАЭ — МИА 65 (сдан в набор 07.12.1957, подписан к печати 25.12.1958, ред. А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) — был подготовлен к печати ранее статей руководителей Новгородской экспедиции для журнала «Советская археология» № 2 за 1958 год, но вышел в свет позже¹². В его статьях по отношению к ранее существовавшим данным добавились артефакты из раскопов ХII–ХIV и частично раскопов ХV–ХVIII (материал раскопок до 1955 года включительно). Более чем годовая задержка тома от сдачи в набор

¹² Статьи в сборник создавались одновременно со статьями первого тома на материале АЯ-ХI раскопов. Об их предстоящей публикации сообщал А. В. Арциховский (Арциховский 1956: 18, 24, 29, 30). В дальнейшем, до сдачи в набор МИА 65, статьи были в разной степени дополнены авторами материалом из вновь появившихся раскопов.

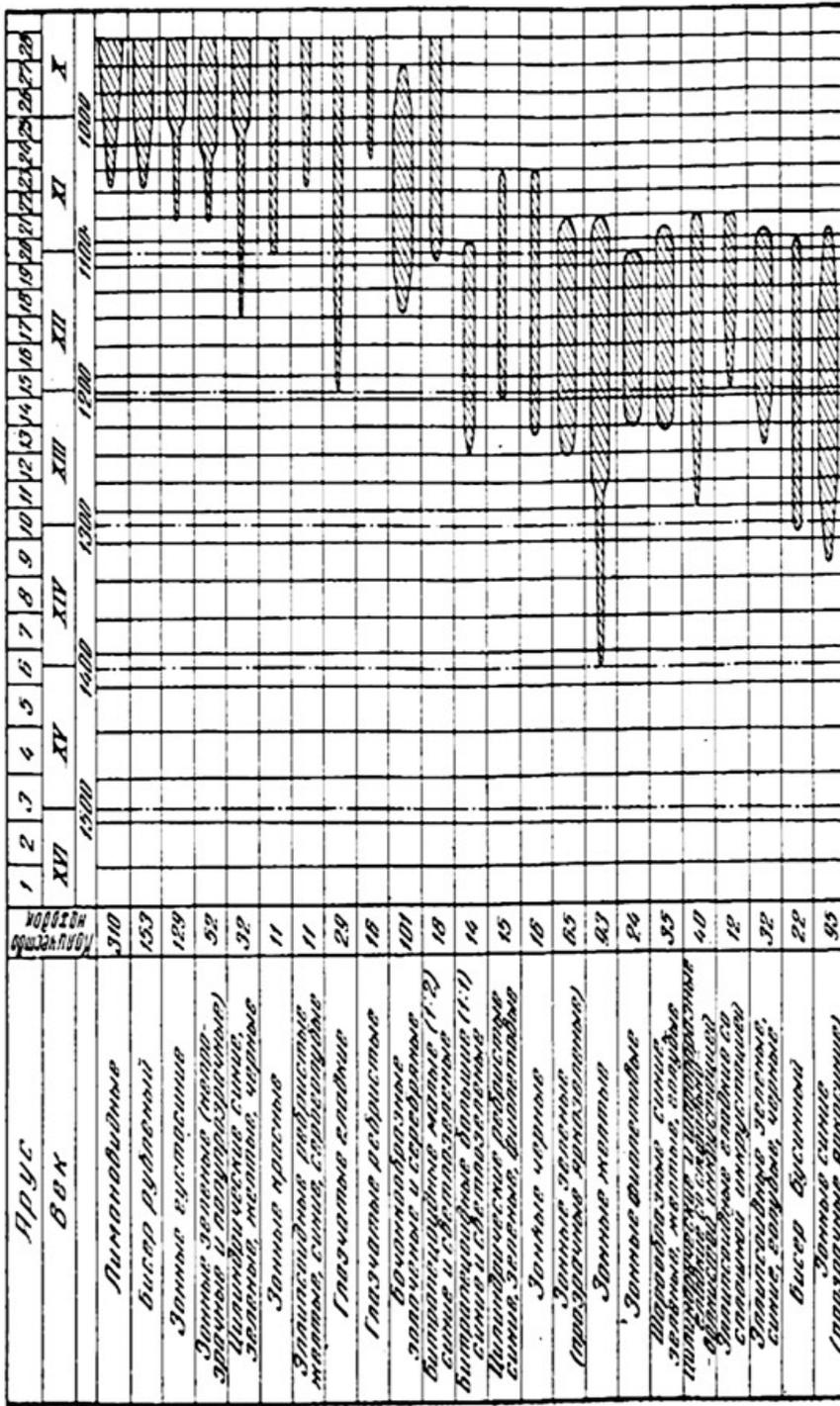

Рис. 2. Хронологическая таблица стеклянных бус (Колчин 1958: 103)

Fig. 2. Chronological table of glass beads (Колчин 1958: 103)

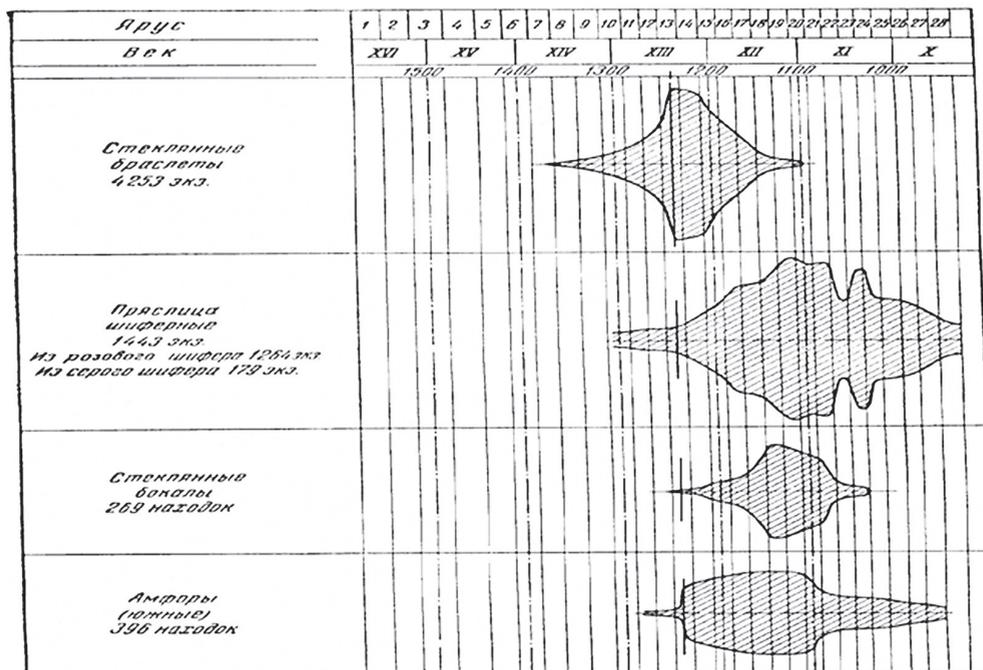

Рис. 3. Хронологическая таблица стеклянных браслетов, пряслиц, амфор и бокалов (Колчин 1958: 107)

Fig. 3. Chronological table of glass bracelets, spindle whorls, amphoras and goblets (Колчин 1958: 107)

до подписи к печати с большой долей вероятности связана с необходимостью совмещения в публикуемых материалах изводов 56И и 56У. С этим же связано и появление в томе вступления «От редакции». В нем читателям напоминают хронологию Неревских раскопов. Например: «13 ярус: 20–40-е годы XIII в.; 12 ярус: 40-е годы XIII в.—23 мая 1267 г.; 11 ярус: 23 мая 1267 г.—80-е годы XIII в.». Абсолютная хронология полностью совпадает с приведенной в первом томе, но в отличие от предыдущих публикаций дается от больших номеров ярусов к меньшим, при этом нижняя граница ярусов упоминается раньше верхней. Ось абсолютного времени в последовательном перечислении ярусов направлена слева направо и совпадает с осью времени внутри яруса. Вполне очевидно, что оба редактора связывают номер яруса с нижней мостовой. Пожар 1267 года по-прежнему на границе 11-го и 12-го ярусов, однако связывается не с 12-й мостовой (см. конец раздела 2), а с 11-й.

Как поступить, чтобы при совмещении артефактов из «старых» (АЯ-XI) и «новых» раскопов (XII–XVIII), в которых ярус связан с нижней мостовой, зафиксированные ранее привязки к ярусам из раскопов I–XI не изменились и вместе с тем ликвидировать сдвиг между изводами 56У и 56И?! Путь один — совместить изводы; но возможных вариантов его осуществления два.

Первый способ (назовем его изводом 58): принять, что ярусы новых раскопов расположены над мостовыми тех же номеров, и одновременно уменьшить

на единицу их номера. В этом случае остающиеся без изменений паспорта ранее аттестованных артефактов из раскопов АЯ–XI с шифрацией «ярус под мостовой» (извод 56И) попадают с прежде приписанными им ярусами в семейство артефактов с шифрацией «ярус над мостовой» (извод 58). При таких действиях однономерные ярусные данные из раскопов I–XI и XII–XVIII во времени совпадают. Правда, для извода 58 ярус отсчитывается от нижней мостовой, а для извода 56И от верхней того же яруса, но это неважно, номера мостовых нигде не фигурируют. Однако при этом возникают две досадные издержки.

Одна — зафиксированные ранее по изводу 56У (до уменьшения номера мостовых) ярусы артефактов будут иметь номер на единицу больший, чем артефакты, происходящие из тех же пластов и квадратов, но аттестованные в 1958 году и позднее.

Другая — пропал доярусный слой. Если номера мостовых уменьшаются на единицу, то вторая мостовая становится первой, третья — второй и так далее вплоть до 28-й мостовой, которая становится 27-й. Следовательно, находящийся над 27-й мостовой 27-й ярус является последним ярусом, ограниченным реально существующими мостовыми. Ниже (по литературе) лишь одна фактически присутствующая граница — материк. Отложения от него до 27-й мостовой и будут являться 28-м ярусом, который включает в себя и ранее существовавший 28-й ярус, и кое-где имевшийся доярусный слой.

Второй способ ликвидации сдвига между ярусами в изводах 56У и 56И (назовем его изводом 58а) — увеличить на ярус аттестацию еще не опубликованных по изводу 56И изделий из раскопов I–XI. В этом случае паспорта ранее опубликованных артефактов из раскопов I–XI с шифрацией «ярус над мостовой» (грамоты, извод 56У) совпадают по номеру яруса с переаттестованными артефактами из этих раскопов и опережают на ярус аттестованные по изводу 58 артефакты из новых раскопов. Применение извода 58а ведет к тому, что полностью исчезают (в теории) отложения в 28-м ярусе и доярусном слое. Действительно, ярус 27 стал 28-м, нижняя граница его — материк; куда же девать ранее существовавшие 28-й и доярусный слой? Их можно совместить, но куда поместить?! Остается одно средство — в раскопах, где применяется извод 58а, как-то увеличить во вновь появившихся раскопах число мостовых. Трудная задача, но не безнадежная, реальных мостовых не обязательно 28.

7. Возникает вопрос: как выявилось различие в способе привязки яруса к мостовой по изводам 56У и 56И? При ответе на него можно, по-видимому, сказать, что привычнее, когда ось времени направлена слева направо. Но не это главное. С большой вероятностью расхождение между А. В. Арциховским и Б. А. Колчиным в отсчете яруса от мостовой стало зримым в процессе подготовки к изданию грамот № 84–194 (см. раздел 4) и при сравнении материалов из раскопов I–XI и XII–XVIII, предназначенных к публикации в «Советской археологии» за 1958 год (см. раздел 5). Выяснилось, что ярусы с максимумами бус, браслетов, шиферных пряслиц из распределений вновь появившихся раскопов опережают (раньше появляются на временной шкале) на два яруса подобные в опубликованных ранее распределениях. По этой причине Б. А. Колчину приходится публиковать суммарные распределения из раскопов АЯ–XVIII только по данным о присутствии того или иного артефакта в ярусе, без количественных сведений (Колчин 1958: 97, 99, 101, 103, 106, 107). По этой же причине А. В. Арциховский в том же номере журнала все упоминаемые артефакты дает со ссылкой на два яруса (1958: 230–232), а при публикации грамот, найденных

в 1953–1954 и 1955 годах (Арциховский, Борковский 1958; 1958а), отказывается от ранее принятой фиксации границ ярусов датами конкретных пожаров. Скорее всего, при создании опубликованных Б. А. Колчиным в 1958 году распределений (см. раздел 5) к артефактам из вновь появившихся раскопов XII–XVIII при сохранении таблиц, графиков и фразеологии, сопутствующей изводу 56И, уже применялся один из изводов 58, 58а, позволяющий сократить разрыв на ярус.

Одновременно с подготовкой к печати МИА 65 и статей в «Советскую археологию» руководство экспедиции ведет напряженную внутреннюю работу¹³ по поиску причин несовпадения распределений из раскопов I–XI, XII–XVIII и способов его устранения. Затаянная Б. А. Рыбаковым дискуссия¹⁴ и форма ее ведения, когда нужно оправдываться, а не выяснять истину, вынуждают А. В. Арциховского законсервировать ситуацию и, скрывая выявленные ошибки¹⁵, защищать ярусологию по материалу, часть из которого не укладывается в его принципиальные схемы. Простое решение — сдвиг на ярус в сторону меньших номеров относительной шкалы и смена направления отсчета ярусов от мостовых в раскопах XII–XVIII — позволяет частично сократить разрыв между максимумами распределений двух анализируемых групп раскопов. И печатно ничего объяснять не надо, никаких козырей противникам ярусологии.

Для находок из раскопов XII–XVIII, опубликованных в МИА 65, уменьшение номеров мостовых на единицу и направления отсчета ярусов привело к их омоложению на ярус (15–25 лет). Одновременно начало 28-го яруса стало началом 27-го, а материк превратился в начало 28-го яруса, т. е. *доярусный слой исчез в принципе*. А раз его нет в новых раскопах, значит не должно быть и в старых. В дальнейшем это привело к тому, что с появлением дендродат для 28-го яруса предполагаемое начало жизнедеятельности на территории Неревских раскопов — 953 год и не ранее. И так как при обработке коллекций из Неревского конца ярусология всех последующих раскопов привязывается к предыдущим, эта дата — в теории — ограничивает снизу все распределения с доярусным слоем из раскопов АЯ-XXXIII (Стеганцев 2005–2008: 689–701).

8. Предполагаемую причину появления извода 58 — сдвиг между распределениями из раскопов I–XI и XII–XX — подкрепим фактическими сведениями, появившимися уже после ее частичного устранения, на примере сравнения распределений из этих групп раскопов. Они опубликованы А. В. Арциховским в процессе дискуссии 1959–1961 годов в журнале «Советская археология» № 4 за 1959 год. Журнал появился позднее публикации МИА № 65 и в нем для распределений из раскопов XII–XX используется уже извод 58.

Бочонковидные золоченые бусы из совокупностей раскопов I–XI и XII–XX представлены своими распределениями в табл. 2 (строки 1, 2).

¹³ Интересный вопрос — докатываются ли сведения о ее побудительных причинах до руководства ИИМК?! Почему именно в это время Б. А. Рыбаков затевает «дискуссию»?

¹⁴ Ее начало — доклады Б. А. Рыбакова в славяно-русском секторе ИИМК (12 февраля, 3 и 5 марта 1959 года) и на славяно-русской секции пленума ИИМК (8 апреля 1959 года). Массированная атака. После многочисленных докладов и статей рубежа 1940-х — 1950-х годов о «паразитическом государстве Хазария» эта следующая. Что стало в этот раз побудительной причиной так называемой «дискуссии» — вопрос для историков науки.

¹⁵ Мучительное решение для настоящего ученого, но спасти надо не только методику, но и судьбу экспедиции, промахи и ошибки работников которой А. В. Арциховский считает своими.

Таблица 2. Анализ распределений бочонковидных золоченых бус из различных групп Неревских раскопов (№ 1, № 2 — Арциховский 1959: 116)

№	Содержание строки	Ярус							Сумма	
		28	27	26	25	24	23	22		21
1	Раскопы I–XI ¹⁶	1	2	3	4	8	7	6	5	36
2	Раскопы XII–XX	3	5	9	15	12	10	7	11	72
3	Соотношение отложенный № 2/№ 1 без сдвига	3:1=	5:2=	9:3=	15:4=	12:8=	10:7=	7:6=	11:5=	72:36=
4		=3,0	=2,5	=3,0	=3,8	=1,5	=1,4	=1,2	=2,2	=2,0
5	Соотношение отложенный с опережением № 2 на один ярус	3:2=	5:3=	9:4=	15:8=	12:7=	10:6=	7:5=	(72–11):(36–1)=	=1,7
6		=1,5	=1,7	=2,3	=1,9	=1,7	=1,7	=1,4		

Можно утверждать, что поярусные соотношения распределений без сдвига из сравниваемых раскопов (см. строки 3, 4) подобны (совпадают по характерным точкам) с показателем соотношения, равным 2,0 плюс 90 % (3,8 — ярус 25), минус 40 % (1,2 — ярус 22). Однако не исключено и такое утверждение (см. строки 5, 6): в пределах ярусов 28–22 распределение бочонковидных золоченых бус из совокупности раскопов XII–XX опережает на один ярус (см. выделенные полужирным максимумы) распределение из раскопов I–XI. Поярусный показатель соотношения распределений при таком утверждении равен 1,7 плюс 35 % (2,3), минус 18 % (1,4).

Распределение № 1 в ярусах 28–25 и распределение № 2 в ярусе 28 представлены числами, меньшими 5, поэтому оба заключения имеют малую достоверность.

Другой пример А. В. Арциховского — лимоновидные бусы — разобран в табл. 3.

Таблица 3. Анализ распределений лимоновидных бус из различных групп Неревских раскопов (№ 1, № 2 — Арциховский 1959: 116)

№	Содержание строки	Ярус						Сумма
		28	27	26	25	24	23	
1	Раскопы I–XI ¹⁷	54	41	21	16	8	5	145
2	Раскопы XII–XX	64	42	35	16	7	8	172
3	Соотношение отложенный № 2/№ 1 без сдвига	64:54=	42:41=	35:21=	16:16=	7:8=	8:5=	172:145=
4		=1,2	=1,0	=1,7	=1,0	=0,9	=1,6	=1,2
5	Соотношение отложенный с опережением № 2 на один ярус № 1	64:41=	42:21=	35:16=	16:8=	7:5=	(172–8):(145–54)=	=1,8
6		=1,6	=2,0	=2,2	=2,0	=1,4		

¹⁶ Такое же распределение бочонковидных золоченых бус из раскопов I–XI, но содержащее доярусный слой, ранее было опубликовано Б. А. Колчиным (Колчин 1956: 124, табл. 3). В публикуемом А. В. Арциховским распределении ярус 28 включает количественные данные доярусного слоя.

¹⁷ Такое же распределение лимоновидных бус из раскопов I–XI, но содержащее доярусный слой, ранее было опубликовано Б. А. Колчиным (Колчин 1956: 123, табл. 2). В публикуемом А. В. Арциховским распределении ярус 28 включает количественные данные доярусного слоя.

Можно утверждать, что отложения в раскопах I–XI и XII–XX в пределах 28–23-го ярусов подобны (см. строки 3, 4) с показателем соотношения, равным 1,2 плюс 40 % (1,7 — ярус 27), минус 25 % (0,9 — ярус 24). Вместе с тем утверждение, что распределение лимонovidных бус в ярусах 28–24 из совокупности раскопов XII–XX опережает на один ярус такое же распределение в ярусах 27–23 из раскопов I–XI, тоже имеет право на существование. Оно базируется на показателе соотношения, равном $1,8 \pm 22\%$ (2,2; 1,4). Оба заключения, судя по объему выборок и разбросу поярусных показателей соотношения, практически равновероятны, но одно из них надо отсесть.

Делать какие-либо выводы о синхронности нижних ярусов раскопов I–XI и XII–XX по двум примерам рано, но они настораживают.

Следующий пример А. В. Арциховского — стеклянные браслеты — разобран в табл. 4.

Таблица 4. Анализ распределений стеклянных браслетов из различных групп Неревских раскопов (№ 1, № 3, № 5 — Арциховский 1959: 116; № 6 — Полубояринова 1963: 171).

№	Содержание строки ¹⁸	Ярус										Σ
		17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	
1	Раскопы I–XI	122	248	271	461	461	273	153	96	36	23	2144
2	№ 1 : № 9	6,1	9,2	14,4	15,4	35,5	15,2	10,9	3,6	1,2	1,8	
3	Раскопы XII–XX	94	176	328	460	450	183	124	65	44	16	1940
4	№ 3 : № 9	4,7	6,5	23,4	15,3	34,6	10,2	8,9	2,4	1,5	1,2	
5	Раскопы I–XX (№ 1 + № 3)	216	424	599	921	911	456	277	161	80	39	4084
6	Раскопы I–XXV	253	576	817	2057	553	360	221	84	43	4964	
7	Р-пы XXI–XXV (№ 6 – № 5)	37	152	218	225	97	83	60	4	4	880	
8	№ 7 : № 9	0,30	0,61	0,80	0,24	0,36	0,54	0,63	0,11	0,17	0,41	
9	Длительность яруса (лет)	20	27	14	30	13	18	14	27	29	13	205
10	Ордината рис. 3 (№ 6 : № 9)	12,7	21,3	58,4	47,8	30,7	25,7	8,2	2,9	3,3		

Сравним поярусные распределения стеклянных браслетов из раскопов I–XI (строка 1) и XII–XX (строка 3). По объему они примерно одинаковы, наибольшие значения обоих распределений приходятся на границу 14-го и 13-го ярусов¹⁹.

¹⁸ Исходные данные таблицы были опубликованы Б. А. Колчиным (строка 1 — 1956:120, строка 5–1958:109) и повторены А. В. Арциховским в процессе дискуссии 1959–1961.

¹⁹ Этот прием (синхронизация различных раскопов по максимумам распределений стеклянных браслетов) — эмпирическое обобщение А. В. Арциховского. Им он проверял раскопки Строкова на Ярославском дворе, свои городские раскопки 30-х годов, абсолютные даты. В публикациях материалов и грамот из раскопов 1951 года, грамот 1952 года он неизменно приводит распределения стеклянных браслетов по пластам или ярусам (Арциховский 1953: 344; Арциховский, Тихомиров 1953: 55; Арциховский 1954: 8). Но при публикации грамот № 84–136, происходящих из раскопов 1953–1954 годов (Арциховский, Борковский 1958: 5), этого не делает (появились сомнения в синхронности одномерных ярусов раскопов АЯ-XI и XII-XIV), ограничиваясь замечанием: «В 1953 и 1954 гг. многочисленные новые находки стеклянных и каменных бус, стеклянных браслетов, свинцовых печатей и т. д. полностью подтвердили хронологические наметки, сделанные при

Как будто «похожие» распределения. При более тщательном сравнении с учетом числа браслетов, приходящихся на один год яруса (строки 2, 4), оказывается, что распределение из раскопов XII–XX отличается от распределения из раскопов I–XI наличием двух вершин и сдвигом максимального и медианного значений в сторону ярусов с большими номерами.

Объем анализируемого материала *позволяет утверждать об опережении в 15–13-м ярусах распределением стеклянных браслетов из раскопов XII–XX такого же распределения из раскопов I–XI*. Это же подтверждают и величины абсолютных значений отложений в 15-м и 12-м ярусах сравниваемых распределений. Более конкретно: *два разнесенных максимума распределения стеклянных браслетов из раскопов XII–XX свидетельствуют о том, что ярусология каких-то раскопов из этого семейства опережает остальные на два яруса*.

Наличие фактических данных по распределению стеклянных браслетов на раскопах I–XXV (Полубояринова 1963: 169, 171), см. строку 6 табл. 6, позволяет наряду с основной задачей — проверка синхронности раскопов I–XI и XII–XX — проверить синхронность ярусов раскопов I–XI и XXI–XXV.

В строке 5 табл. 4 приведены данные суммарного распределения стеклянных браслетов из раскопов I–XX (сумма распределений из раскопов I–XI и XII–XX). Поярусная разница между распределениями, представленными в строках 6 и 5, является распределением стеклянных браслетов на раскопах XXI–XXV (строка 7). Максимум его смещен к 15-му ярусу, и он явно опережает максимум распределения из раскопов I–XI (строка 1). То же следует из анализа данных строки 8. Случайностью это быть не может, количество фрагментов стеклянных браслетов из раскопов XXI–XXV в каждом ярусе распределения достаточно велико. Таким образом, можно считать доказанным, что *распределения стеклянных браслетов из раскопов XII–XX и XXI–XXV опережают такое же распределение из раскопов I–XI*, что ведет к смещению максимума суммарного распределения из раскопов I–XXV в 15-й ярус²⁰.

Это становится ясно и при изучении графика распределения находок браслетов по ярусам, опубликованного в той же статье М. Д. Полубояриновой (1963: 173, рис. 2; здесь — рис. 4). Сборник МИА 117, где опубликованы данные строки 6, сдан в набор 20 декабря 1962 года. К этому времени раскопки в Неревском конце были закончены и имелась дендрохронологическая шкала, которая опиралась на раскопы XXVIII–XXXII. Отсутствие данных из них и включение в анализ раскопов XXI–XXV (доведены до материка в 1958 году) свидетельствуют о том, что Марина Дмитриевна закончила сбор материалов

публикации грамот 1951 и 1952 гг.». В следующей публикации грамот № 137–194 опять декларируется принцип (Арциховский, Борковский 1958а: 6): «Прекрасную хронологическую кривую дают стеклянные браслеты. Сначала их мало, затем из яруса в ярус все больше и больше. Максимального распространения они закономерно достигают в начале XIII века, а затем из яруса в ярус их становится все меньше и меньше». Однако синхронных распределений из разных раскопов А. В. Арциховский вплоть до вынужденных дискуссий, начавшейся в 1959 году, не приводит. Нет их в его творчестве и позднее.

²⁰ В дальнейшем к сравнению распределений стеклянных браслетов из разных групп Неревских раскопов никто из специалистов не обращался. В обобщающих статьях руководителей НАЭ (Янин, Колчин 1978: 22–23; Колчин 1982: 158; Хорошев 1994: 58) указывалось на одновершинность распределения, на повторяемость его на различных раскопах Новгорода, но конкретных чисел с Неревского раскопа после статьи М. Д. Полубояриновой не было.

к статье до 1961 года, т. е. связь между пластами и ярусами на раскопах I–XX не корректировалась по данным дендрохронологии. Об этом же говорит и отсутствие в статье абсолютных дат. Единственным фактом, показывающим, что автор работал с ними, является «График распределения находок браслетов по годам» (см. рис. 4).

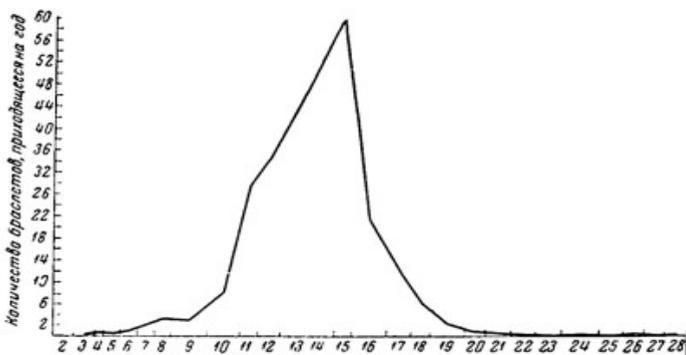

Рис. 4. График распределения находок браслетов из раскопов I–XXV по годам (Полубояринова 1963: 173, рис. 2)

Fig. 4. Schedule of distribution of finds of bracelets from excavations I–XXV by years (Полубояринова 1963: 173, Fig.2)

В нем по оси абсцисс отложены последовательные длительности ярусов в годах, а по оси ординат — отнесенные к их серединам количества браслетов, приходящиеся на один год соответствующего яруса. График построен по данным статьи и сведениям из дендрохронологической шкалы о длительности ярусов. В строках 9, 10 табл. 6 повторены вычисления М. Д. Полубояриновой, сделанные при определении ординат графика на рис. 4. Вопрос: «Почему максимум графика приходится не на границу 14-го и 13-го ярусов, а на 15-й ярус?» — автор не ставит; возможно, не хочет допускать к рассмотрению мысль о несинхронности одноименных ярусов различных раскопов. Скорее всего, по этой причине отложения 13-го и 14-го ярусов во всех приводимых Мариной Дмитриевной таблицах объединены в одном столбце, что маскирует смещение максимума распределения браслетов из раскопов I–XXV в 15-й ярус. Во всех опубликованных полигонах распределения стеклянных браслетов в культурном слое Неревского конца (Колчин 1956: 120, 1958: 109; Арциховский 1959: 116; Янин, Колчин 1978: 22; Колчин 1982: 159; Хорошев 1994: 58) максимум находится на границе 13–14-го ярусов или в середине 14-го яруса.

Шиферные пряслица — один из самых однородных артефактов. А. В. Арциховский публикует их распределение лишь из раскопов I–XX. Непонятно, почему он, в предыдущих примерах статьи последовательно сравнивавший сведения из двух групп раскопов, в данном случае распределения артефактов из раскопов I–XI (Колчин 1956: 125, табл. 9) игнорирует. В табл. 5 сравнение продолжено в заданном им ключе.

Таблица 5. Анализ распределений шиферных пряслиц из различных групп Неревских раскопов (№ 1 — Арциховский 1959: 119; № 2 — Колчин 1956: 125, № 3 = № 1 — № 2).

№	Ярусы	28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17
1	Раскопы I–XX	30	52	61	64	71	110	71	117	125	128	128	115
2	Раскопы I–XI	15	33	48	44	35	50	41	69	61	79	54	38
3	Раскопы XII–XX	15	19	13	20	36	60	30	48	64	49	74	77

№	Ярусы	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	Σ
1	Раскопы I–XX	92	56	38	22	22	25	18	14	10	7	6	6	1388
2	Раскопы I–XI	36	32	16	18	15	4	7	11	4	4	5	1	720
3	Раскопы XII–XX	56	24	22	4	7	21	11	3	6	3	1	5	668

Разница между распределениями из раскопов I–XX (строка 1) и I–XI (строка 2) является распределением из раскопов XII–XX (строка 3). Два последних распределения, по идее, должны быть подобны или, в крайнем случае, номера ярусов с экстремальными значениями обязаны совпадать. Первая посылка на всем периоде существования распределений не выполняется ни при каких взаимных сдвигах. Однако на основании примерного постоянства поярусного соотношения распределений и сравнения номеров ярусов с максимальными значениями из разных групп раскопов можно утверждать, что *суммарное распределение артефактов из раскопов XII–XX в 28–26-м ярусах является опережающим по отношению к такому же распределению из раскопов I–XI в ярусах 27–25*. Учитывая число шиферных пряслиц, отложившихся в нижних ярусах раскопов I–XI и XII–XX, и тенденцию, отмеченную выше при анализе табл. 2 и 3, вывод заслуживает доверия. По тем же основаниям, с учетом анализа табл. 4, можно говорить, что распределение артефактов из раскопов XII–XX в ярусах 16–14 опережает ярусы 15–13 такого же распределения из раскопов I–XI. По отношению ярусов 21–19 и 20–18 из тех же раскопов можно утверждать то же самое, но с меньшей вероятностью, нужны еще доводы. Величина и знак смещения распределения из раскопов XII–XX в ярусах 11–8 по отношению к такому же распределению в ярусах 9–6 из раскопов I–XI требует дополнительных исследований. В строках 2, 3 табл. 5 опережение и отставание отражено сдвигом относительно друг друга выделенных пунктиром прямоугольников, оконтуривающих упомянутые ярусы.

В приведенных выше примерах извод 58, по которому пласты переводились в ярусы раскопов XII–XX, сокращает на ярус сдвиг между сравниваемыми распределениями, но даже после его применения *ярусы в совокупностях раскопов XII–XX и XXI–XXV не совмещаются с однономерными ярусами раскопов I–XI*.

9. Фактически мы уже выяснили, куда делся доярусный слой (конец раздела **6** + раздел **7** + сноски 16, 17), в связи с чем появились изводы 58, 58а (начало раздела **6** + раздел **8**) и их связь с изводами 56У, 56И (конец раздела **6**). Однако наши общие рассуждения о соотношении изводов необходимо подкрепить фактическими данными, т. е. указать конкретно — **каким автором какой извод применяется в статьях МИА 65**; тем более что содержащиеся в них сведения до сих пор активно используются в археологической практике.

За точку отсчета примем атрибутацию грамот, проведенную А. В. Арциховским. Выше мы выяснили, что паспортизация грамот № 1–10 из раскопок 1951 года осуществлялась по изводу 56У (ярус над мостовой) относительно ярусов Холопьевой улицы; грамоты № 11–83 из раскопок 1952 года паспортизовались по тому же изводу, но относительно ярусов Великой улицы. Паспорта всех дальнейших грамот также связаны с нижней мостовой яруса, но по какому изводу (56У или 58 (минус один ярус к изводу 56У)) они атрибутировались, неизвестно. В монографиях грамоты объединены так: № 84–136 (из раскопок 1953–1954 годов), № 137–194 (из раскопок 1955 года), № 195–318 (из раскопок 1956–1957 годов, подписаны к печати 19.3.1963). Считаем, что грамоты из одной монографии паспортизовались одинаково и артефакты из раскопов, работы на которых производились одновременно, атрибутировались по одному изводу.

В исследовании Б. А. Колчина (Колчин 1959: 7–120) «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология)» задействованы артефакты из всей толщи раскопов АЯ-XIV и из 1–13-го ярусов раскопов XV–XVIII. Все количественные и хронологические таблицы построены от меньших номеров ярусов к большим и лишь в конце исследования, в приложении «Паспорта ножей, исследованных металлографически», Б. А. Колчин перечисляет ярусы в хронологическом порядке (Там же: 120). По стилю таблицы повторяют опубликованные годом ранее (ср. рис. 3 и 5); в них справа от 28-го яруса есть доярусный слой, но сведения на него не распространяются²¹.

Построение таблиц и рисунков, а также обязательное присутствие в них не снабженного какими-либо сведениями доярусного слоя наводит на мысль, что первоначально исследователь работал с распределениями, имеющими доярусный слой, но в процессе присоединения к данным из раскопов АЯ-XI новых сведений из раскопов XII–XIV и XV–XVIII он был слит — по причине, которую выяснили выше, — с 28-м ярусом²².

²¹ Довод, подтверждающий первоначальную атрибутацию материала по изводу 56И, — распределение сковород (1959: 107, табл. 38), в котором стратиграфическое положение шести штук (33–178, 33–179, 33–282, 34–154, 34–182, 34–228) определено как «Ниже 28». Другие находки из этих же пластов и квадратов здесь и в более поздних работах Б. А. Колчина отнесены к 28-му ярусу. Например, из соседнего с востока квадрата по отношению к квадратам 178, 179 происходит ключ к деревянному замку, паспорт которого 28–34–169 (Колчин 1959: 88). Он лежит на пласт ниже сковород 33–178, 179, но отнесен к 28-му ярусу. Из соседнего с севера квадрата по отношению к квадрату 282 происходит стояк, паспорт которого 28–35–281 (Колчин 1968: 40, рис. 26). Он лежит на два пласта ниже сковороды 33–282, но привязан к 28-му ярусу. Ковш 28–36–155 (Колчин 1968: 46) лежит на два пласта ниже сковороды 34–154, но отнесен к 28-му ярусу. Исходя из приведенных примеров, будем считать, что появление доярусного слоя в единственной таблице статьи (всего их 41) — просмотр, недогляд Б. А. Колчина; более массивные распределения ножей, замков и ключей его не имеют. Исключение подтверждает правило: отложения доярусного слоя совмещены с отложениями 28-го яруса.

²² Еще одно свидетельство фактического существования доярусного слоя в первоначальном массиве исходных сведений — распределение ножей из раскопов I–XIV (Колчин 1959: 48). Их 45 в 28-м ярусе (длительность 19 лет), 26 в 27-м ярусе (длительность 17 лет), 29 в 26-м ярусе (длительность 17 лет) и т. д. В раскопах I–XIV ярус 28 отсутствует более чем в половине квадратов (Стеганцев 2005–2008: 697–698), поэтому 45 ножей в нем — при всех сомнениях в длительности ярусов и синхронности их в разных раскопах — ничем иным, кроме как совмещением его данных с отложениями в доярусном слое, объяснить нельзя.

1	2	3	4	5	6	7
18		7-11-326	26	6-11-326	120	+1
19	VI	7-9-427	20	6-9-422, ←	120	+1
20		21-22-423	83	22-23-428, →	25	0?
21	VII	9-9-503	92	9-9-502, ↓	102	0
22		19-17-478	105	19-17-479, ↑	38	0
23	VIII	8-7-587	98	8-7-587	26	0
24		9-8-576	100	9-8-576	23	0
25		21-18-598	109	21-18-588, ←	120	0
26	IX	8-5-661	104	7-5-661	71	+1
27		14-10-659	110	14-10-659	27	0
28	X	17-25-720	115	16-24-719, ↓	41	0
29		23-30-754	123	24-31-766, →	77	0
30	XI	17-24-836	113	17-24-825, ^L	120	0
31	XII	5-8-877	122	5-8-877	83	0
32		7-10-858	131	7-10-868, ↑	22	0
33		10-12-918	146	11-12-918	66	-1
34		18-21-882	174	19-21-873, ^Г	120	-1
35	XIII	10-11-937	Азб	9-11-937	41	+1
36		12-14-994	139	13-14-995, ←	102	-1
37	XIV	15-16-1064	147	15-15-1074, ↑	99	-1
38		15-19-1013	151	17-19-1024, ^L	66	-1?
39		16-18-1091	153	17-18-1090, →	71	-1
40		20-24-1032	164	21-24-1042, ↑	66	-1
41	XV	6-12-1137	166	7-12-1130, ↓	107	-1?
42		12-18-1135a	197	9-15-1142, ^J	107	0?
43	XVI	5-9-1166	157	4-8-1172, ^J	84	0
44		8-14-1163Б	173	7-13-1163, →	102	0
45	XVII	4-8-1211	154	6-8-1211	23	-2
46		5-8-1215	161	5-8-1215	50	0
47		6-9-1235	169	7-10-1235	120	0
48		7-11-1209	179	7-11-1223, ^J	117	0
49		12-17-1219	229	11-16-1219	107	0
50	XVIII	8-11-1284	186	8-11-1284	102	0

Смещение [*] — символ после паспорта артефакта из столбца **5**, показывающий, куда необходимо его переместить (←(влево), →(вправо), ↑(вверх), ↓(вниз), ^L(влево вверх), ^Г(влево вниз), ^J(вправо вверх), ^Г(вправо вниз)), чтобы он совпал по квадрату с паспортом артефакта из столбца **3**.

Δ [^{**}] — сдвиг в ярусах приведенными к одному квадрату паспортами артефактов из столбцов **3** и **5**. Знак «-» (минус) перед сдвигом свидетельствует об опережении артефактом из столбца **5** грамоты из столбца **3** (принята за образец) при гипотетическом совмещении их в одном квадрате; знак «+» (плюс) об отставании; знак «?» после сдвига — о его возможном отклонении от приведенной величины.

*** — крышка кадушки с надписью (Арциховский, Тихомиров 1953: 61).

Изучение табл. 6 приводит к следующим наблюдениям.

1. Железные изделия из раскопа АЯ опережают на ярус грамоты из того же раскопа, которые атрибутированы изводом 56У по Холопёй улице. При приведении грамот 1–10 к ярусам Великой улицы (это +2 яруса (Арциховский 1954: 7)) железные изделия, найденные в раскопе АЯ, будут отставать от грамот на один ярус. Так как грамоты паспортизованы по изводу 56У, то *атрибутация изделий из железа в раскопе АЯ производится по изводу 56И относительно ярусов Великой улицы.*

2. Грамоты из раскопов I–XI либо опережают по ярусу изделия из железа (сдвиг +1), либо совпадают с ними (сдвиг 0). Отставание изделий из железа можно связать с их первоначальной исходной атрибуцией — изводом 56И по Великой улице; совпадение проще всего объясняется прибавлением одного яруса к паспортам изделий из железа, т. е. использованием извода 58а (извод 56И + 1 ярус = извод 58а)²³. Отсутствие существовавшего ранее в МИА 55 сдвига в аттестации грамот Б. А. Колчиным и А. В. Арциховским (см. сноску⁸ и номера 22, 16 в табл. 6) подтверждает приведенное объяснение.

Обратим внимание: все опережения грамотами изделий из железа в раскопах I–XI (№ 4–6, 9, 18, 19, 26 табл. 6) приходятся на ярусы с номерами 8 и меньше. Для железных изделий это соответствует изводу 56И.

3. Грамоты из раскопов I–XI сосредоточены в двух монографиях, номера 11–83 объединены в одной, номера 84–136 — в другой. Из последней монографии взяты для сопоставлений 29, 30 табл. 6 грамоты 122, 131 (они соотносятся с железными изделиями из следующей группы раскопов — XII–XIV). Эти грамоты, как выяснено выше, атрибутированы по изводу 56У. Сдвиг в ярусологии между ними и железными изделиями отсутствует, из чего следует применение в этих сопоставлениях для изделий из железа извода 58а. Считаем, что этот же извод используется для железных изделий во всей группе раскопов XII–XIV. В этом случае, так как железные изделия в сопоставлениях 33–40 опережают грамоты (сдвиг минус 1 ярус), атрибутация последних осуществляется, за исключением № 35 таблицы²⁴, по изводу 58 (извод 56У минус 1 ярус). Следовательно, *все грамоты с номерами 137–193 паспортизированы по изводу 58.*

4. В номерах 41, 43–48, 50 табл. 6 грамоты атрибутированы по изводу 58, ибо происходят из монографии, задействованной в предыдущем случае. Так как паспортизация железных изделий в раскопах XV–XVIII, как правило, совпадает с грамотами (сдвига нет), то должны совпадать и изводы. Следовательно, паспортизация изделий из железа в этой группе раскопов осуществляется по изводу 58 или 56И.

Как паспортизованы опубликованные в 1963 году грамоты из диапазона номеров 195–318 (№ 42, 49 табл. 6), неясно; скорее всего, по одному из изводов, связанных с Неревской дендрохронологической шкалой. В рассматриваемых сопоставлениях их паспортизация совпадает с изводом 58.

²³ Некоторые артефакты Колчин случайно пропускает. Например, на рис. 90 (Колчин 1959: 106) паспорт железного ушка от медного котла 10–15–290, а в тексте его паспорт 11–15–290 (Там же: 105); в табл. 17 паспорт бритвы второго типа 13–20–140 (Там же: 58), а шила из того же пласта и квадрата 14–20–140 (Там же: 64); паспорт светца трехлучинного 5–8–439 (Там же: 98), а обыкновенного светца из того же пласта и квадрата 6–8–439 (Там же). Примеры можно умножить.

²⁴ Выпадение из отмеченной зависимости азбуки (№ 33 табл. 6) связано с ее уже осуществленным ярусопределением в более ранней публикации (Арциховский 1955: 62).

Таблица 7. Сравнение номеров ярусов в паспортах грамот и артефактов оружия

№ п/п	Раскоп	Грамоты		Медведев 1959		Δ [**]
		Паспорт	Номер	Паспорт. Смещение [*]	Страница	
1	2	3	4	5*	6	7**
1	АЯ	9–15–71	5	9–14–79, Г	154	–1
2	I	5–10–157	15	4–10–157	177	+1
3		6–14–101	43	6–15–101	150	+1?
4		8–15–151	44	7–15–151	158	+1
5		10–15–140	53	9/10–15–141, ↑	177	0?
6		10–17–123	58	10/11–18–124, ↑	159	0?
7	II	3–9–177	11	4–10–177	177	0
8		8–13–224	36	7–13–223, ↓	136	+1
9	III	16–20–313	77	14/15–19–312, ↓	154	0?
10	IV	6–10–327	23	3–8–323, L	150	+1?
11	VI	7–9–427	20	6–9–426, ↓	177	+1
12	IX	16–12–679	116	16–12–679	147	0
13	X	23–30–757	123	22–30–768, Г	156	0?
14	XII	10–12–918	146	10/11–12–919, ←	157	–1?
15		19–22–856	175	22–24–866, ↑	158	–1?
16	XIII	12–14–994	139	13–14–983, Г	147	–1
17	XIV	16–18–1091	152	17–18–1090, →	160	–1
18	XV	19–24–1126	235	18–23–1125, →	158	0?
19		22/24–28–1135	246	22/23–28–1142a, L	136	0
20	XVI	9–15–1178	177	11–17–1177a, Г	156	0?
21		11–17–1177a	189	11–17–1177a	156	0
22		20/21–25–1174	241	20–24–1167 ↓	184	0?
23	XVII	6–9–1235	169	5–8–1250, ↑	127	0
24		15–20–1201	205	15–20–1201	173	0
25		15–20–1240	224	16–20–1240	184	–1
26	XVIII	12/13–18–1265	198	14–18–1276, ↑	186	–1

Пояснения [*], [**] такие же, как к табл. 6.

Цель статьи А. Ф. Медведева (Медведев 1959: 121–193) «Оружие Новгорода Великого» — «полная публикация замечательных предметов новгородского вооружения, обнаруженных при археологических раскопках в Новгороде в 1947–1948 и 1951–1956 гг.». Находки в доярусном слое присутствуют в статье как в раскопах АЯ–XI, так и в более поздних²⁵. Опережение грамотами в некоторых ярусах раскопов I–XI предметов вооружения (см. табл. 7), наличие доярусного

²⁵ На раскопе АН это наконечник стрелы 34–16 (Медведев 1959: 156); на раскопе I они же 33–125, 34–118, 36–123, 36–154 (2 шт.) (Медведев 1956: 155–156), рукоять детского игрушечного меча 36–123 (Там же: 123), псалии 34–165 (Медведев 1959: 182); на раскопе X — игрушечный деревянный меч 35–766 (Там же: 123); на раскопе XVII (руководитель А. Ф. Медведев) — наконечник стрелы 33–1258 (Там же: 155).

слоя и артефактов, отнесенных автором к двум ярусам (у Колчина такого нет), позволяют утверждать, что атрибуции А. Ф. Медведева выполнены самостоятельно и не подвергались правке редакторами.

Изучение табл. 7 позволяет прийти к следующим выводам.

1. В раскопе АЯ опережение артефактом вооружения грамоты (№ 1 табл. 7) объясняется ее привязкой к ярусам Холопьевой улицы. При атрибуции грамоты № 5 по Великой (+2 яруса) сдвиг будет +1 ярус. Следовательно, *предметы вооружения из раскопа АЯ атрибутируются А. Ф. Медведевым, как и изделия из железа Б. А. Колчиным, изводом 56И по ярусам Великой улицы.*

2. Грамоты из диапазона номеров 11–83 + 84–136 паспортизованы по изводу 56У. Учитывая отставание и совпадение с грамотами предметов вооружения, можно утверждать, что в раскопах I–XI последние аттестованы по изводу 56И (отставание) и 58а (совпадение). Извод 56И в паспортизации артефактов вооружения приходится (сопоставления 2–4, 8, 10, 11) на ярусы до номера 8 включительно. Такой же факт был зафиксирован ранее для изделий из железа.

3. В раскопах XII–XIV грамоты отстают на ярус от предметов вооружения. Такая ситуация возможна, если грамоты из номеров 137–194 паспортизуются по изводу 58, а артефакты вооружения — по изводу 58а. Фактически мы сталкиваемся с ситуацией, рассмотренной для тех же раскопов в табл. 6.

4. В раскопах XV–XVIII предметы вооружения по паспорту совпадают с грамотами. Атрибуция последних (монография с берестами № 137–194) определена выше — извод 58, поэтому предметы вооружения паспортизованы по изводу 58 или 56И.

Массивы привлеченных выше данных невелики, поэтому в табл. 8 для подтверждения полученных выводов произведено сравнение паспортов артефактов оружия и изделий из железа, происходящих из одних пластов и тех же или смежных квадратов (за образец приняты паспорта железных изделий).

Таблица 8. Сравнение номеров ярусов в паспортах артефактов из статей Б. А. Колчина (изделия из железа) и А. Ф. Медведева (предметы вооружения) в МИА № 65

№	Раскоп	Колчин 1959. Паспорт, смещение [*], страница	Медведев 1959. Паспорт, страница	Δ [**]
1	2	3	4*	5**
1	АЯ	12–18–1, ↓, 71	12–18–2, 154	0
2		28–32–56, 108	28–32–56, 154	0
3	I	3–10–156, 71	4–10–156, 177	–1
4		11–18–123, ↓, 66	10/11–18–124, 159	0?
5		12–18–138, 97	12–18–138, 184	0
6		13–20–124, 100	13–20–124, 156	0
7		13–20–134, 58	13–20–134, 175	0
8		15–22–134, →, 56	15–22–124, 154	0
9		25–29–116, 71	25–29–116, 155	0
10		26–30–137, →, 25	26–30–127, 123	0
11		26–30–146, ←, 107	26–30–156, 157	0

1	2	3	4*	5**
12		28-33-124, ↓, 120	H-33-125, 155	-?
13	II	27-31-207, ↓, 107	27-31-208, 123	0
14	III	4-8-309, ↓, 63	4-8-310, 154	0
15		9-14-283, 15	9-14-283, 158	0
16		11-16-293, ↑, 93	11-16-292, 184	0
17		12-18-272, 71	12-18-272, 127	0
18		23-26-285, ←, 107	23-26-290, 158	0
19		24-28-276, 113	24-28-276, 160	0
20		27-30-293, ←, 77	27-30-298, 155	0
21	IV	5-9-357, →, 120	5-9-352, 183	0
22		19-23-329, 120	18-22-329, 160	0
23	VI	6-9-422, ^L , 120	6-9-426, 177	0
24		8-10-434, ↓, 102	8-10-435, 155	0
25	VII	13-11-489, ^T , 110	12/13-11-480, 159	0?
26		13-13-524, ↓, 69	13-13-525, 154	0
27		20-20-472, 113	21-20-472, 184	-1
28		25-23-492, ↑, 88	24/25-23-491, 183	0?
29		25-24-522, ↑, 21	25-24-521, 152	0
30	VIII	24-23-591, ↓, 60	24-23-592, 156	0
31	IX	17-13-699, →, 66	17-13-689, 156	0
32		18-14-669, ←, 75	18/19-14-679, 158	0?
33		25-20-657, 120	25-20-657, 158	0
34	X	8-16-725, ↓, 15	8-16-726, 127	0
35		12-19-784, ^J , 120	12-19-771, 186	0
36		19-26-764, ↓, 99	18/19-26-765, 184	0?
37		28-35-766, 177	H-35-766, 123	-?
38	XI	21-26-834, 44	20/21-26-834, 154	0?
39		22-27-834, →, 60	21/22-27-822, 177	0?
40	XII	6-8-893, ↓, 59	5/6-8-903, 183	0?
41		11-12-918, →, 66	10/11-12-919, 157	0?
42		11-14-882, →, 117	10/11-14-883, 127	0?
43		21-23-913, ^J , 107	21-23-904, 155	0
44		22-24-876, ↑, 22	22-24-866, 158	0
45		24-24-916, ←, 25	24-24-915, 136	0
46	XIII	8-10-984, 65	7-10-984, 183	+1
47		12-13-961, ^T , 59	12-13-970, 184	0
48		12-14-982, →, 102	13-14-983, 147	-1
49		15-15-963, ↓, 34	14/15-15-973, 184	0?
50		16-17-942, 120	16-17-942, 158	0
51		17-18-941, ←, 38	17-18-940, 154	0
52		21-22-953, ←, 84	21-22-952, 183	0
53	XIV	9-12-1025, 102	9-12-1025, 154	0

1	2	3	4*	5**
54		9–12–1031, 120	8–12–1031, 156	+1
55		16–17–1100, ←, 59	16–17–1099, 158	0
56		18–18–1090, 71	17–18–1090, 160	+1
57		24–26–1017, ←, 120	24–26–1016, 155	0
58		26–28–1006, ↓, 66	26–28–1016, 156	0
59	XV	6–11–1116, 111	6–11–1116, 182	0
60		16–22–1125, ↓, 93	17–22–1132, 158	–1
61	XVII	9–13–1243, ←, 107	8–13–1244, 186	+1
62		8–14–1214, →, 55	9–14–1213, 177	–1
63		9–14–1235, 78	9–14–1235, 127	0
64		10–14–1250, 71	9–14–1250, 127	+1
65	XVIII	6–8–1308, ↑, 108	6–8–1297, 154	0
66		11–15–1306, 78	11–15–1306, 159	0

Пояснения [*], [**] такие же, как к табл. 6.

Из табл. 8 следует, что *артефакты, соответствующие предметам вооружения и представленные в статье А. Ф. Медведева из МИА 65, шифруются так же, как изделия из железа Б. А. Колчиным*. То же самое следует из наблюдений над табл. 6 и 7.

В статье С. А. Изюмовой (Изюмова 1959: 194–222) «К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого» паспортные данные артефактов есть только на небольшом количестве подрисуночных подписей. Сопоставление номеров ярусов в паспортах изделий из статей Б. А. Колчина и С. А. Изюмовой в МИА 65 показало, что *аттестации артефактов из кожи в подрисуночных подписях и изделий из железа совпадают* (за образец приняты изделия из железа)

Основная информация о распределении во времени артефактов, связанных с изделиями из кожи, сосредоточена в четырех таблицах. Одна из них, содержащая материал АЯ-XI раскопов, выполнена от меньших ярусов к большим ((Изюмова 1956: 215), ось времени справа налево). Три другие, анализирующие материал АЯ-XIV раскопов, выполнены в хронологической последовательности веков или ярусов ((Изюмова 1956: 195, 197, 211), ось времени слева направо). В них, начиная с 27-го яруса и ниже, артефактов, относящихся к кожевенному ремеслу, нет. Вместе с тем сравнение таблиц, содержащих поярусные отложения кожаных изделий в раскопах АЯ-XI и АЯ-XIV, показало, что *распределения кожаных изделий из раскопов XII–XIV в ярусах 24–22, 17–12, 10–6 опережают соответственно на 2,5, 1,5, 1 ярус такие же распределения из раскопов АЯ-XI (указаны ярусы опережающего распределения)*.

В исследовании М. В. Седовой (Седова 1959: 223–261) «Ювелирные изделия древнего Новгорода», выполненном на найденном с 1951 по 1955 год материале (раскопы АЯ-XIV и 1–11-й ярусы раскопов XV–XVIII), все сведенные в таблицы распределения построены от больших номеров ярусов к меньшим. Доярусный слой присутствует только в одной таблице 5 (1959: 244), где он назван, но не выделен из 28, 27, 26-го ярусов (просмотр редактора). Одновременно

в тексте статьи, не в таблицах, присутствуют предметы, отнесенные автором к доярусному слою («ниже 28 яруса») ²⁶.

Указанные факты, как можно предположить, объясняются тем, что редактор (вероятно, это Б. А. Колчин; он, как и М. В. Седова, из ИА) передатировал содержащиеся в таблицах паспорта артефактов из доярусного слоя, а изменения в давно подготовленном тексте передоверил автору, не проинформировав его об отнесении находок из доярусного слоя к ярусу 28. Автор привел текст в соответствие с таблицами, но не попавшие в них артефакты из доярусного слоя в статье остались ²⁷.

Доводом в пользу высказанного предположения являются сведения из монографии М. В. Седовой 1981 года «Ювелирные изделия древнего Новгорода», редактором которой был Б. А. Колчин. В ней сохранена привязка к доярусному слою всех указанных в ссылке ²⁶ артефактов (Седова 1981: 24; 25, рис. 6, 1, 4; 39, рис. 13, 1; 45; 86; 87, рис. 31, 1, 2; 181), за исключением лунницы 30–312 из клада (Седова 1981: 24), отнесенной уже к 27-му ярусу ²⁸. Монография

²⁶ Это в раскопе АЯ: печатный перстень — 33–42 (Седова 1959: 255), малая ширококорая лунница — 33–78 (Там же: 227), средняя ширококорая лунница — 35–48 (Там же: 227). В раскопе I: привеска-амулет 34–136 (Там же: 229) и бронзовая полукруглая в сечении фибула 34–164 (Там же: 244). В раскопе II: фибулы треугольного сечения 34–196 и 35–186 (Там же: 244). В раскопе III: лунница из тонкой серебряной пластинки 30–312, «найденная в кладе куфических монет» (Там же: 227). В раскопе X: бронзовая, трехгранного сечения фибула 34–754.

²⁷ Ю. М. Лесман, пользовавшийся в процессе написания своей работы «Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)» картотекой М. В. Седовой (Лесман 1990: 33), говорил с ее слов, что ярусология артефактов из ее статьи 1959 года и монографии 1981 года проверены Б. А. Колчиным.

²⁸ Еще один повод для размышлений. М. В. Седова, рассматривая ювелирные изделия древнего Новгорода, пишет о двух малых ширококорых лунницах, которые «обнаружены ниже 28-го яруса, причем одна... в кладе куфических монет» (Седова 1959: 227). Последнее очень симптоматично. Мария Владимировна — активный участник НАЭ, руководитель работ на X, XIII, XX раскопах, ошибиться не могла и в 1959 году сообщает сведения на момент сбора материала. Одновременно А. В. Арциховский при публикации в печати сведений о кладе на следующий год после обнаружения (Арциховский 1954: 110), не указывая пласт, сообщает, что «клад найден в 26 строительном ярусе... В свое время он не был зарыт, а спрятан под полом». В 10 м от места его нахождения в 26-м ярусе Б. А. Колчин фиксирует «сруб 26Е, вскрытый в 31 пласте» (Колчин 1956: 111). Ближе к кладу срубов нет. В дальнейшем, упоминая о кладе, Б. А. Колчин неоднократно пишет, что «клад не был зарыт. Он находился под слоем пожарища 27 яруса в развале сгоревшей и рухнувшей постройки» (Колчин 1956: 129), или «клад найден в разрушенном жилище» (Колчин 1956: 133), его паспорт — 27–30–312. С. А. Янина указывает (1956: 181), что «клад найден в квадрате 312, на глубине 599 см от условной нулевой точки (пласт 30)» и что «туес с монетами лежал внутри сруба», и тоже относит клад к 27-му ярусу. Можно объяснить, почему клад сначала был в доярусном слое. Этот слой не обязательно под 28-м ярусом, в данном случае он под последней зафиксированной в этом месте мостовой, 26-й (см. Засурцев 1959: 291; 1967: 65, 28), и руководителем раскопа (В. В. Седов) по изводу 56И отнесен к 26-му ярусу (так и доложили Арциховскому), Позднее по изводу 56У его отнесли к 27-му. Но разнбой авторов в пласте обнаружения клада и отсутствие постройки в квадрате 312 на планах 25, 26 и 27-го ярусов (Колчин 1956: 112, 114, 116; Засурцев 1959: 283) объяснить трудно.

не упоминает, начиная с раскопа XII и следующих, ни одного ювелирного изделия в доярусном слое²⁹.

В табл. 9 путем сравнения номеров ярусов в паспортах грамот и ювелирных изделий сделана попытка выявить систему, по которой атрибутировались украшения.

Таблица 9. Сравнение номеров ярусов в паспортах грамот и ювелирных изделий

№	Раскоп	Грамоты		Седова 1959		Δ [**]
		Паспорт	Номер	Паспорт. Смещение [*]	Страница	
1	2	3	4	5*	6	7**
1	АЯ	9-15-71	5	10-15-62, →	250	-1
2		17-23-30	9	18-23-40, ^L	233	-1
3	I	10-15-140	53	10-15-130, ←	259	0
4	II	10-15-196	47	11-16-196	238	0
5		11-16-200	67	11-16-199, ↓	255	0?
6		18-23-180	86	17-22-180	238	0
7	III	13-18-277	72	12-17-278, ↑	231	0?
8		17-21-294	80	16-20-294	253	0
9		17-21-298	79	16-20-298	258	0
10	V	9-12-380	31	8-11-380	249	0
11	VI	21-22-423	83	20-22-424, ↑	226	+1
12	VII	9-8-503	93	9-8-505, ↑ + ↑	258	0?
13		19-17-478	105	19-17-479, ↑	247	0
14	IX	14-10-659	110	14-10-669, ←	241	0
15		16-12-679	116	15-11-680, ↑	238	0?
16	IX	20-17-653	119	19-16-653	258	0
17	XI	17-24-836	113	16-23-835, ↓	238	0
18	XII	10-12-911	145	11-12-900, ^Г	253	-1
19		18-21-882	174	19-21-882	238	-1
20	XIII	12-14-994	139	14-14-993, →	241	-1?
21		12-14-994	139	14-14-984, ↓	231	-1?
22	XIV	16-18-1091	152	16-17-1090, →	250	-1
23		20-24-1032	164	22-24-1022, ↓	240	-1?
24	XVI	5-9-1174	243	5-9-1180, ^J	249	0
25		8-14-1163б	173	9-14-1163а, →	255	-1
26	XVII	5-8-1215	161	5-8-1215	226	0
27		6-9-1235	169	6-9-1234, →	229	0
28		8-13-1202	185	9-13-1187, ↓	238	-1
29	XVIII	8-11-1284	186	8-12-1285, ←	245	+1
30		11-17-1269	195	11-17-1269	250	0

Пояснения [*], [**] такие же, как к табл. 6.

²⁹ Случайно проскочили редактуру браслеты круглопроволочный (паспорт: ниже 28-915 (Седова 1981: 94)) и четырехгранный (паспорт: ниже яруса 28-1943 (Седова 1981: 94, 95, рис. 34, 14)), а также снимок круглой привески (паспорт: ниже яруса 28-32-1281 (Седова 1981: 39, рис. 13, 5)). В тексте эта привеска отнесена к 28-му ярусу (Седова 1981: 37).

При изучении табл. 9 сделаны такие наблюдения.

1. В раскопе АЯ опережение браслетом 10–15–62 граммоты 5 и биллоновой привеской 18–23–40 граммоты 9 объясняется, как и ранее, шифрацией граммот 1–10 изводом 56У по ярусам Холопьевой улицы. Ювелирные изделия из раскопа АЯ шифруются изводом 56И по ярусам Великой улицы.

2. В сопоставлениях 3–17 табл. 9 (раскопы I–XI) ювелирные изделия совпадают, за исключением номера 11, с атрибутированными по изводу 56У граммотами из диапазона номеров 11–83 + 84–136. Подобная ситуация может сложиться в том случае, если к атрибутированным ранее по изводу 56И ювелирным изделиям был применен извод 58а (он совпадает по ярусу с изводом 56У).

3. В раскопах XII–XIV атрибуция ювелирных изделий опережает на ярус атрибуцию граммот. Вариант, ведущий к такому состоянию, следующий: граммоты атрибутируются по изводу 58, а ювелирные изделия — по изводу 58а.

4. Ювелирные изделия в раскопах XV–XVIII имеют плюсовые и минусовые отклонения от нулевого совпадения по ярусу с граммотами, которые происходят из семейства с номерами 137–193 и паспортизованы по изводу 58. Поэтому можно считать, что украшения атрибутированы по тому же изводу 58.

Проверка сделанных наблюдений (см. табл. 10) превратила их в вывод: соответствующие ювелирным изделиям артефакты, представленные в статье М. В. Седовой из МИА 65, шифруются так же, как Б. А. Колчиным изделия из железа.

Таблица 10. Сравнение номеров ярусов в паспортах артефактов из статей Б. А. Колчина (изделия из железа) и М. В. Седовой (украшения) в МИА 65

№ п/п	Раскоп	Седова 1959		Колчин 1959		Δ [**]
		Паспорт	Страница	Паспорт. Смещение [*]	Страница	
1	2	3	4	5*	6	7**
1	АЯ	14–18–23	259	13–18–23	113	–1
2	I	10–15–130	259	9–15–120, ←	81	–1
3		13–20–135	245	13–20–136, ↑, 46	46	0
4		15–22–143	227	15–22–133, ←	109	0
5		17–23–124	227	17–23–134, →	81	0
6		19–24–155	245	19–24–155	100	0
7		20–25–102	233	20–25–102	99	0
8		24–28–128	238	24–28–138, →	60	0
9	II	14–20–256	259	14–20–255, ↓	93	0
10		17–22–220	240	17–22–220	120	0
11		20–25–202	226	20–25–202	107	0
12		25–29–267	249	25–29–267	108	0
13		27–31–217	244	27–31–207, ←	107	0
14		28–32–189	254	28–32–199, →	51	0
15	III	13–17–289	249	13–17–288, ↑	57	0
16		13–18–274	241	14–18–274	78	+1
17		23–26–275	250	23–26–275	107	0
18		25–28–294	254	25–28–304, →	38	0
19	V	13–15–407	233	14–16–407	23	0

Окончание табл. 10

1	2	3	4	5*	6	7**
20	VII	13-11-489	252	13-11-489	110	0
21		19-17-490	249	19-17-490	92	0
22		24-23-483	237	24-23-493, →	47	0
23	IX	13-11-703	238	13-11-703	111	0
24		14-10-669	241	14-10-659, ←	27	0
25		16-12-660	250	16-12-659, ↓	66	0
26		17-14-686	247	17-14-686	120	0
27		19-16-653	253	19-16-654, ↑	23	0
28		22-19-663	235	22-19-663	120	0
29	X	11-19-750	256	11-19-749, ↓	102	0
30		14-21-785	241	14-21-785	66	0
31	XI	11-19-843	248	11-19-843	94	0
32		14-21-813	238	14-21-814, ↑	66	0
33		21-26-835	245	21-26-834, ↓	44	0
34	XII	6-8-902	255	6-8-893, Γ	59	0
35		14-16-910	250	14-16-900, ↓	26	0
36		19-21-882	238	19-21-873, Γ	120	0
37		22-24-866	254	22-24-876, ↑	22	0
38		23-24-916	244	24-24-916	25	+1
39	XIII	9-11-960	253	9-11-961, ←	107	0
40		10-10-1002	224	10-10-1003, ←	93	0
41		13-13-987	233	13-13-987	44	0
42		16-17-940	231	16-17-940	99	0
43		17-18-941	258	17-18-941	38	0
44		22-23-965	254	23-23-955, ↓	21	+1
45		26-27-982	233	26-27-993, L	60	0
46	XIV	15-16-1103	240	15-16-1103	120	0
47		16-17-1067	249	16-17-1067	49	0
48		16-18-1035	248	16-18-1035	65	0
49		17-19-1023	237	17-19-1024, ←	66	0
50		18-20-1047	247	18-20-1047	80	0
51		25-27-1017	224	25-27-1017	88	0
52		26-28-1048	237	26-28-1048	120	0
53	XVII	5-8-1215	226	5-8-1215	50	0
54		8-12-1185	238	8-12-1185	120	0
55	XVIII	4-6-1306	226	4-6-1305, →	66	0
56		8-12-1285	245	8-12-1286, ←	102	0

Пояснения [*], [**] такие же, как к табл. 6.

Сообщение В. Л. Янина (Янин 1959: 299–305) «Печати из новгородских раскопок 1955 г.» вводит в обращение девять новых артефактов из раскопок XIII–XVIII. Для большинства печатей существуют совпадения по ярусу с паспортами находок из железа, происходящих из того же пласта и того же или смежного квадратов. В раскопах XIII–XVIII находки из железа, в основном, совпадают с грамотами, атрибутированными по изводу 58. Это позволяет с большой долей

уверенности предполагать, что автор следует за А. В. Арциховским и атрибутирует печати по изводу 58.

В статье А. В. Кирьянова (Кирьянов 1959: 306–362) «История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (По археологическим данным)» упоминаются артефакты из раскопов АЯ–IX, но в их паспортах отсутствует ярус. Сличение приведенных пластов и квадратов с паспортами оружия, ювелирных изделий и изделий из железа показало, что *среди опубликованных в статье артефактов есть происходящие из доярусного слоя.*

Публикация П. И. Засурцева (Засурцев 1959: 262–298) «Постройки древнего Новгорода (Предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955 гг.)» не содержит паспортов артефактов. Но из рисунков в ней и текста (Засурцев 1959: 283, рис. 10; 291) следует, что начало застройки усадьбы Б относится к 27-му ярусу³⁰. Вместе с тем в вышерассмотренных статьях содержатся сведения об артефактах из доярусного слоя и 28-го яруса, происходящих с территории усадьбы Б. Это ножи, сковороды, украшения, предметы быта, зерновые остатки. Отнесение их к 28-му ярусу и доярусному слою совпадающей ошибкой отдельных исследователей быть не может, тут системный сбой. Он может быть выявлен сравнением номеров ярусов, соответствующих экстремальным значениям распределений одних и тех же артефактов, в неодновременно вскрывавшихся группах смежных раскопов (в данном случае раскопы АЯ, I–VI, VII–IX, X–XI, XII–XIV). Указанный прием базируется на хорошо известном археологам эмпирическом обобщении, уже примененном в разделе 8: *экстремумы всех распределений причинны, и одни и те же причины в одинаковых распределениях на разных памятниках (раскопах) проявляются одинаково*³¹. В нашем случае в качестве таких распределений могут быть использованы массивы артефактов из металла, приведенные в рассматриваемом МИА, или из дерева, опубликованные в САИ Е1–55. Но это задача уже другого расследования.

10. Совместное рассмотрение атрибутации грамот и вещевых находок в раскопах АЯ–XVIII приводит к выводу, что имеются две системы нумерации ярусов. Одна, связанная с грамотами, совпадает по номеру с нижней мостовой яруса и характеризуется изводами 56У и 58. Другая, связанная с вещевыми находками, отсчитывается от верхней мостовой яруса и характеризуется

³⁰ В дальнейшем П. И. Засурцев уточнит: «На Холопье улице было только 25 ярусов. Она образовалась позже и поэтому на ней отсутствуют три нижних яруса (28, 27 и 26) и самая нижняя мостовая на ней — двадцать пятая» (Засурцев 1963: 6). Как проглядели эту нестыковку с ранее опубликованными сведениями редакторы выпуска МИА 123 (Арциховский, Колчин), где опубликована статья, непонятно.

И еще позднее: «На Козьмодемьянской и на южном отрезке Великой улицы (начиная от перекрестка этих улиц) было уже не 25 настилов мостовых, как на Холопье (и на большей части Великой), а 28, причем три нижних настила (26, 27 и 28) сооружены были до того, как возникла Холопья улица» (Засурцев 1967: 42). Редактор этой научно-популярной книги в серии «Из истории мировой культуры» — А. Л. Монгайт.

Маловероятно, что П. И. Засурцев, руководитель работ на раскопах IV, IX, XV, XXI, XXVII, ошибся. Раскопы IV, IX, XV накрывают Великую улицу на участке между Холопье и Козьмодемьянской.

³¹ Ю. М. Лесман при обсуждении этого обобщения ввел следующие ограничения для импортов: «Вывод справедлив, 1) если история поступления импортов идентична, что требует специального обоснования, как и правомерность переноса интервалов дат; 2) если интенсивность жизни и закономерности накопления вещей в слое неизменны».

изводами 58а и 56И. Номера ярусов изводов 56У и 58а, а также 58 и 56И, попарно совпадают, причем первая пара на ярус опережает вторую.

Приведем к общему итогу результаты атрибуции грамот по выполненным выше сравнениям с паспортизацией артефактов из статей в МИА 65.

1. Исследование подтвердило паспортизацию грамот № 1–10 из раскопок 1951 года по изводу 56У относительно ярусов Холопьевой улицы, а грамот № 11–83 из раскопок 1952 года и грамот № 84–136 из раскопок 1953–1954 годов по тому же изводу 56У, но относительно ярусов Великой улицы.

2. Неожиданным оказалось заключение, что грамоты 137–194 из раскопок 1955 года атрибутировались по изводу 58. Особенность его в том, что пласт грамот, найденных в этом году и относившийся ранее по изводу 56У к ярусу Н, связывается с ярусом Н минус 1, т. е. номера мостовых при паспортизации грамот по изводу 58 уменьшились на единицу.

3. Достоверно выяснить, по какому изводу были паспортизованы грамоты 195–318 из раскопок 1956–1957 годов, не удалось из-за их малого представительства в рассматриваемых массивах; но по тем совмещениям (их 10), которые имеются в табл. 6, 7, 9, это тот же извод 58.

Суммируя результаты атрибуции вещевых артефактов в статьях из МИА 65, можно прийти к следующим заключениям.

1. В раскопе АЯ паспортизация всех видов артефактов осуществлялась по изводу 56И относительно ярусов Великой улицы. Грамоты из этого раскопа отстают от них на один ярус.

2. В раскопах I–XI артефакты до 7–8-го ярусов включительно атрибутированы по изводу 56И и отстают от грамот на ярус.

3. В тех же раскопах редакторы сборника последовательно и весьма искусно привели все виды артефактов после 7–8-го ярусов к совпадению по паспорту с грамотами, происходящими из тех же пластов и квадратов (см. табл. 6, 7, 9). На основании изучения поярусных отложений различных артефактов можно предполагать, что совпадение достигалось учетом дополнительной мостовой (извод 58а = извод 56И + 1 ярус), разной по номеру для разных раскопов и для разных артефактов³².

4. В раскопах XII–XIV атрибуции всех видов вещевых артефактов из одинаковых пластов и квадратов, как и в раскопах I–XI, совпадают по ярусу между собой (извод 58а) и с грамотами из диапазона номеров 84–136 (извод 56У); при сопоставлении с грамотами из диапазона номеров 137–194 (извод 58) опережают их на ярус.

5. В раскопах XV–XVIII атрибуция всех видов находок совпадает с грамотами и осуществляется по одинаковому с ними изводу — 58. Наблюдение имеет вероятностный характер, ибо для этих раскопов сделано на основании малого

³² Например, для артефактов, соответствующих изделиям из железа, ярус, не имеющий отложений и связанный с дополнительной мостовой, в раскопах II, III, X, XIV имеет номер 7, в раскопе IV — номер 10, в раскопе V — номер 8, в раскопе VI — номер 9. Для артефактов, соответствующих украшениям, нулевое расхождение по ярусу с грамотами в раскопах I, V возможно после не содержащего отложений 9-го яруса; в раскопах II, III после не содержащего отложений 8-го яруса; в раскопах IV, VI — после не содержащих отложений 7–9-го ярусов; в раскопах VII, XI — после не содержащего отложений 7-го яруса; в раскопах VIII, IX — после не содержащих отложений 8, 9-го ярусов. Очень вероятно, что указанные одиночные ярусы и один из каждой группы ярусов появились в распределениях в результате редакторской правки статей.

числа сопоставлений (для раскопов XV — 4, XVI — 7, XVII — 11, XVIII — 4) и в предположении, что совмещения с отличным от нуля сдвигом (их число для раскопов XV — 1, XVI — 1, XVII — 3, XVIII — 2) обусловлены топографией местности и индивидуальными ошибками исследователей.

Вопрос о дальнейшем применении изводов 56И и 58а был окончательно закрыт А. В. Арциховским четким определением понятия «ярус», которое он не случайно³³ дает в начале дискуссии с Б. А. Рыбаковым. «Ярус — это культурный слой, выросший на территории раскопа за время существования одной мостовой. Все сооружения, построенные за это время, относятся к тому же ярусу. После настила новой мостовой начинался рост нового яруса» (Арциховский 1959: 109; журнал «Советская археология» № 4, подписан к печати 03.11.1959). Обратим внимание, что под «раскопом» понимается вся совокупность археологических работ в Неревском конце. *Начиная с этой публикации в работах А. В. Арциховского и Б. А. Колчина, а также редактируемых ими изданиях все связанные с ярусами и хронологией рисунки и графики строятся от больших ярусов к меньшим с направленной слева направо осью времени. Левее начального 28-го яруса никакого доярусного слоя нет, он исчез, его количественные показатели приплюсованы к 28-му ярусу.*

11. Поставленная в заглавии статьи тема имеет историографический характер, так как после изводов 56У, 56И, 58, 58а последовательно существовало еще несколько вариантов перевода пластов в ярусы. Следующий **извод 62НД** (неревский дендрохронологический) появился сразу после дискуссии 1959–1961 годов и связан с публикацией в 1-м номере журнала «Советская археология» за 1962 год исследования Б. А. Колчина «Дендрохронология Новгорода». Формально придание ярусам абсолютного возраста не должно было изменить их соотношения с пластами. Фактически же ранее названные абсолютные даты пожаров (они, как правило, жестко соответствуют определенным мостовым) надо было связать с вновь появившейся хронологической градацией. Поэтому к приведенным в изводе 62НД абсолютным датам ярусов заново были привязаны пласты всех раскопов. Существовавшая ранее связь между пластами и ярусами, кроме раскопов XXVIII–XXXII, на базе которых создана дендрохронологическая шкала, оказалась достаточно приблизительной и поэтому не востребованной.

В публикации 1962 года Б. А. Колчин дает определение яруса (Колчин 1962: 127, 129), следуя А. В. Арциховскому: «Основой стратиграфии культурного слоя в Новгороде является ярус. «Ярусом» мы называем культурный слой, точнее его прослойку, которая выросла на древней территории нашего раскопа за время существования какой-либо одной деревянной мостовой (вернее одного ее уровня), проходящей по данному раскопу... Определяя время постройки мостовой улицы того или иного яруса, мы устанавливаем начальную дату соответствующего яруса». Отметим, что под «раскопом» понимается его конкретный номер. В конце исследования приводятся даты мостовых (Колчин 1962: 137), где среди прочих указывается, что: «Мостовая 14-го яруса строилась в 1238 г. Эта мостовая в 1254 г. ремонтировалась. Мостовая 13-го яруса строилась

³³ Несовпадения в определении яруса А. В. Арциховским и Б. А. Колчиным и вытекающие отсюда несоответствия могли бы стать серьезным аргументом в претензиях Б. А. Рыбакова к руководству НАЭ по поводу обоснованности синхронизации относительной хронологии разных раскопов, но их в дискуссии не было. Подобные тонкости, сразу видимые и ясно понимаемые А. В. Арциховским, — не для смелых, но не выдерживающих критики построений академика.

в 1268 г. Мостовую Холопьевой улицы этого яруса настилали в 1275 г. Мостовая 12-го яруса строилась в 1281 г. Мостовую Холопьевой улицы этого яруса настилали в 1287 г.», и т. д. Таким образом, шкала 62НД связывает пожар 1267 года с границей ярусов 14 и 13. Может, это и так³⁴, но нигде не оговорено — для каких раскопов. И если указаны некоторые ярусы по Холопьевой, то эта дань добросовестности исследователя никак не отражается на синхронизации раскопов, вся паспортизация артефактов из которых привязана к Великой.

Через два года, подводя итоги 12-летних работ НАЭ на Неревских раскопах, Б. А. Колчин уточняет (1964: 20): «Для установления хронологии новгородских уличных настилов и построек на усадьбах был широко применен дендрохронологический метод датировки. В итоге была получена абсолютная хронология мостовых и построек на раскопах XXVIII–XXXII. Теперь даты сооружения деревянных настилов Великой, Кузьмодемьянской и Холопьевой улиц, т. е. хронология ярусов, таковы: ...»; и вслед указываются годы существования ярусов по изводу 62НД. Переход к последнему предложению в только что приведенной цитате не совсем логичен, ибо раскопы XXVIII–XXXII накрывают только западный участок Кузьмодемьянской улицы в Неревском конце и не связаны с Великой и Холопьевой улицами. А из цитаты следует, что пожар 1267 года и все остальные абсолютные даты, которые могут быть использованы для синхронизации, в относительной хронологии разных групп раскопов попадают на одинаковые последовательные позиции. Трудно поверить, что Б. А. Колчин этого не понимает, тем более что ранее он указывал для некоторых раскопов временные границы ярусов по Холопьевой. Может, боится подставить под удар А. В. Арциховского, задавшего *исходное правило: однономерные мостовые всех раскопов одновременны?! И, в какой-то мере, себя, ведь в НАЭ он основной организатор полевых и камеральных работ, обеспечивающий эту одновременность* (Гайдуков 2010: 102).

В дальнейшем при каждом упоминании о дендрохронологической шкале Неревских раскопов (62НД) и Б. А. Колчин, и В. Л. Янин, как бы вскользь, ненавязчиво, но обязательно указывают на ее связь с раскопами XXVIII–XXXII (Колчин 1968: 11; Колчин, Янин 1982: 70). Как осуществляется их синхронизация с остальными раскопами — нигде не объясняется. Молчаливо предполагается, что последовательные номера настилов во всех неодновременно вскрывавшихся группах раскопов совпадают, а где нет мостовых, стратиграфические границы строительных горизонтов привязаны к ним точно.

Однако с увеличением числа исследований, опирающихся на извод 62НД, выявлялось все большее и большее количество фактов, противоречащих указанным предположениям. Это побудило новую генерацию руководителей НАЭ в 1978 году изменить приведенное выше исходное правило и расширить даты ярусов на ± 10 лет. Текстом это было закреплено так: «Членение культурного слоя на достаточно мелкие отрезки — ярусы с абсолютными датами — позволило создать хронологию вещевых древностей с точностью до одного десятилетия» (Янин, Колчин 1978: 23). Позднее это заключение не акцентируется, но иногда сопутствует упоминаниям о дендрохронологической шкале (например: Колчин, Янин 1982: 70).

12. Все изложенное выше относится ко вторичной (кабинетной) обработке археологической информации, отражаемой в статьях и публикациях. **Для исследователей, ведущих раскопки**, ничего не изменилось, максимальное

³⁴ Ранее пожарище 1267 года находилось на границе 12-го и 11-го ярусов (см. конец раздела 2).

число мостовых по-прежнему 28 и находки по-прежнему привязываются к верхней мостовой. Исходные документы продолжают сохранять доярусный слой и после выхода из печати МИА 65. Одно из свидетельств этого — напечатанная в КСИА 146 (среди редакторов нет ни А. В. Арциховского, ни Б. А. Колчина) статья Г. П. Смирновой (Смирнова 1976: 3–10). Галина Павловна — один из руководителей X раскопа и по роду деятельности была связана с камеральной обработкой находок НАЭ (устное сообщение С. В. Белецкого). Из текста статьи и рисунка в ней (здесь — рис. 6) следует, что доярусного слоя в раскопах АЯ-XIV нет.

Это противоречит ранее опубликованным данным, в том числе и самой Г. П. Смирновой в МИА 65 (см. раздел 3). Одновременно доярусный слой присутствует в большей или меньшей степени в остальных раскопах³⁵ (см. рис. 6). Другие исследователи, работавшие с отчетами или с описями находок НАЭ в Новгородском музее, также оперируют артефактами из доярусного слоя, как из первой (I–XI), так и второй группы раскопов (XII–XXXIII)³⁶. Таким образом, *доярусный слой исчез только из результатов вторичной обработки археологического материала руководителями НАЭ, в первичных документах он сохранился.*

13. Отсутствие доярусного слоя в раскопах АЯ-XI, отраженное рис. 6, можно связать с **появлением извода, выработанного Б. А. Колчиным** для этих раскопов уже после появления дендрохронологической шкалы с целью устранения нестыковок между ней и предыдущими переводами пластов в ярусы. Этот перевод пластов в ярусы (называть его будем извод 70КГ (Колчин, Гайдук)) находится в архиве Б. А. Колчина, хранителем которого некоторое время являлся П. Г. Гайдук. К сожалению, извод 70КГ не опубликован, хотя достаточно хорошо известен в среде исследователей³⁷.

Итак, в процессе поиска ответа на вопрос: «Куда исчез доярусный слой в публикациях руководителей НАЭ?» — мы выяснили³⁸, не только куда и почему он исчез, но и что *перевод пластов в ярусы в процессе увеличения раскопанной*

³⁵ «Под нижней мостовой Козьмодемьянской улицы имелся культурный слой толщиной от 14 до 37 см (раскопы XV, XXXI), под нижней мостовой Великой улицы — от 27 (раскоп XVI) до 53 (раскоп XVII) см. Наибольшую мощность (63–98 см) доярусный слой имел на раскопах XVII–XX» (Смирнова 1976: 9).

³⁶ Например, М. В. Седова (1981, здесь ссылки ²⁶ и ²⁹); Ю. М. Лесман (1984: 134, табл. 1, № 7, 18–21, 29–32, 57, 60, 64, 66, 68, 75–77, 84, 87, 92, 93, 95–99, 101, 102, 108, 110). В работе «Хронология ювелирных древностей Новгорода» Ю. М. Лесман, который опирался как на монографию М. В. Седовой, так и на описи НАЭ, указывает на происхождение из доярусного слоя не только упомянутых ею артефактов (Лесман 1990: 58, 62, 64, 76, 78), но и не названных ею бубенчика грушевидного 36–112, цепочки плетеной 34–128, фибулы подковообразной с узким концом иглы 34–165 (Лесман 1990: 60, 67, 76). Есть доярусный слой и у других исследователей, работавших с описями НАЭ (Буров 1994: 223; Волков 1996: 101 и иные).

³⁷ Его применяли В. А. Буров (1985: 94, 97), Е. А. Рыбина (1994: 133), И. И. Волков (1996: 101), В. Ю. Коваль (1997: 149) и многие другие.

³⁸ Методика выяснения, конечно, варварская, ибо грамоты, как и предметы быта, могут смещаться между пластами, особенно у частоколов и мостовых. Однако усреднение массива данных по видам артефактов и их количеству позволяет начиная уже с 10–12 сопоставлений прийти к достоверным заключениям. Вместе с тем, методика наглядна и обеспечивает внутреннюю уверенность в правоте выводов (не знаю, смог ли убедить других). В дальнейших исследованиях будем пользоваться менее наглядными, но более точными корреляционными методами.

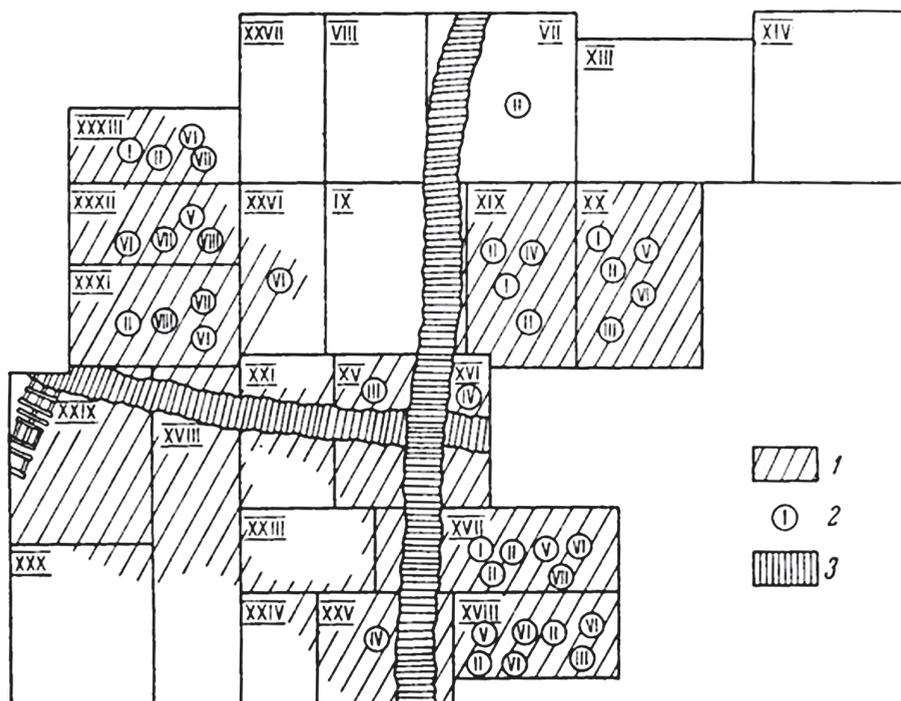

Рис. 6. Топография находок лепной керамики (1 — участки с доярусным слоем; 2 — типы лепной керамики; 3 — мостовые Великой и Козьмодемьянской улиц) (Смирнова 1976: 4)

Fig. 6. Topography of finds of molded ceramics (1 — areas with pre-tier layer; 2 — types of molded ceramics; 3 — pavements of Velikaia and Kozmodemianskaia streets) (Смирнова 1976: 4)

площади неоднократно менялся³⁹. Последнее не удивительно. Кто не работает, тот не ошибается. Методика раскопок дорабатывается и шлифуется в процессе работы, одновременно вскрываемые площади огромны. Удивительно другое: руководитель НАЭ, всегда принципиальный и последовательный, пошел на сокращение выявленных им ошибок своих учеников и не проинформировал о них археологическую общественность⁴⁰. Связано это, скорее всего, с начавшейся в 1959 году дискуссией, характер, тон и нацеленность которой на дискредитацию А. В. Арциховского как ученого не способствовали прилюдному исправлению ошибок в работе руководимого им коллектива.

Об исключительном значении новгородских материалов для всей средневековой археологии Восточной Европы написано немало, фактически вся

³⁹ Связано это с необходимостью синхронизировать разные группы неодновременно вскрывавшихся раскопов (здесь раздел 8 + Стеганцев 2010: 46–49, 51–54).

⁴⁰ Симпатичнейшая черта А. В. Арциховского в дискуссии и опубликованных до нее работах — готовность перепроверить с учетом вновь открывшихся фактов свои старые выводы и, в случае весомости доводов, признать свою неправоту. Разительное отличие от поведения в дискуссии Б. А. Рыбакова, не реагирующего ни на какие доводы и все время вещающего истину в последней инстанции.

абсолютная хронология X–XV веков ее археологических и, частично, палеографических памятников строится на них. Большая заслуга патриархов НАЭ в том, что на всем протяжении ее существования они стимулировали развитие археологических и вспомогательных методов исследования путем последовательного уточнения датировок ярусов, не боясь вызвать на себя огонь критики и называя точные даты. Их можно обсуждать, уточнять, опровергать, но 55 лет Неревская дендрохронологическая шкала уже прослужила, исправно удовлетворяя практику, которая пока не достигла ее точности⁴¹. К реальной погрешности Неревской дендрохронологической шкалы (на разных участках $\pm(0,5-1,5)$ яруса = 10–30 лет)⁴² археологическая практика пока только приближается, хотя иногда уже требуется бо́льшая точность⁴³. К сожалению, с середины 90-х годов блестяще написанная археологическая публицистика на частные темы заменила публикацию фактического материала и приучила нас к мысли, что все вопросы с хронологией Новгорода решены с помощью дендрохронологии. Поэтому, пока еще живы патриархи НАЭ, дай бог им здоровья, необходимо опубликовать исходные материалы раскопок в Неревском конце (как сделано П. Г. Гайдуковым (1992) для Нутного раскопа) и на их основе создать итоговую редакцию переводной таблицы пластов в ярусы.

Литература

- Арциховский А. В. 1951. Археологические открытия в Новгороде // Вестник АН СССР 12, 60–69.
- Арциховский А. В. 1951а. Новые открытия в Новгороде // ВИ 12, 77–87.
- Арциховский А. В. 1953. Раскопки 1951 г. в Новгороде // СА XVIII, 342–371.
- Арциховский А. В. 1953а. Раскопки 1952 г. в Новгороде // ВИ 1, 113–124.
- Арциховский А. В. 1954. Раскопки 1953 г. в Новгороде // ВИ 3, 106–113.
- Арциховский А. В. 1954а. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР.
- Арциховский А. В. 1955. Раскопки 1954 г. в Новгороде // ВИ 2, 61–68.
- Арциховский А. В. 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА 55, 7–43.
- Арциховский А. В. 1956а. Раскопки 1955 г. в Новгороде // ВИ 3, 66–74.
- Арциховский А. В. 1958. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА 2, 227–242.
- Арциховский А. В. 1958а. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М.: Изд-во АН СССР.
- Арциховский А. В. 1959. О новгородской хронологии // СА 4, 107–127.
- Арциховский А. В. 1961. Ответ Б. А. Рыбакову // СА 3, 122–136.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 г.). М.: Изд-во АН СССР.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. 1958а. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР.

⁴¹ В технике при проверке приборов требуется, чтобы образцовый имел погрешность минимум в три раза меньшую, чемверяемый.

⁴² Про Неревскую дендрохронологическую шкалу (Урьева, Черных 1995: 112): «Проверка выполненных ранее сопряжений не выявила никаких погрешностей на отрезке XIII–XV вв. Однако более ранний период оказался менее удачным. Так для 14 сопряжений кривых дерева построек XI–XII вв. имелись сбои от нескольких колец до нескольких десятков их». Результаты этой проверки нигде не опубликованы.

⁴³ Столкнулся с этим при попытке датировать по Новгороду хорошо обеспеченный распределениями Иднакар.

- Арциховский А. В., Борковский В. И. 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 г.). М.: Изд-во АН СССР.
- Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР.
- Буров В. А. 1985. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным // СА 4, 90–106.
- Буров В. А. 1994. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.: ИА РАН.
- Волков И. В. 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ 10, 90–104.
- Гайдуков П. Г. 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, НГОМЗ.
- Гайдуков П. Г. 2010. К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» (Б. А. Рыбаков — А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) // ННЗ 24.
- Гордиенко Э. А. 1997. Топонимы как свидетельство протоисторического ландшафта в Новгороде // Новгородский исторический сборник 6 (16). СПб.: Дмитрий Буланин, 82–101.
- Засурцев П. И. 1959. Постройки древнего Новгорода // МИА 65, 262–298.
- Засурцев П. И. 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА 123, 5–165.
- Засурцев П. И. 1967. Новгород, открытый археологами. М.: Изд-во АН СССР.
- Изюмова С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого // МИА 65, 194–222.
- Кирьянов А. В. 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (По археологическим данным) // МИА 65, 306–362.
- Коваль В. Ю. 1997. Ближневосточная поливная керамика из раскопок в Новгороде // ННЗ 11, 138–153.
- Колчин Б. А. 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА 55, 44–137.
- Колчин Б. А. 1958. Хронология новгородских древностей // СА 2, 92–111.
- Колчин Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА 65, 7–120.
- Колчин Б. А. 1962. Дендрохронология Новгорода // СА 113–139.
- Колчин Б. А. 1962. Дендрохронология Новгорода // МИА 117, 7–103.
- Колчин Б. А. 1963. Дендрохронология построек Неревского конца // МИА 123, 166–227.
- Колчин Б. А. 1964. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962) // КСИА 99, 3–20.
- Колчин Б. А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука (САИ Е1–55).
- Колчин Б. А. 1971. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука (САИ Е1–55).
- Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 156–177.
- Колчин Б. А., Янин В. Л. 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 3–137.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Лебедев Г. С. (ред.). Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 118–153.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Лебедев Г. С. (ред.). Материалы по археологии Новгорода. 1988. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 29–98.
- Медведев А. Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА 65, 121–193.
- Полубояринова М. Д. 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА 117, 164–199.
- Рыбаков Б. А. 1959. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // СА 4, 82–106.

- Рыбаков Б. А.* 1961. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? // СА 2, 141–162.
- Рындина Н. В.* 1963. Технология производства новгородских ювелиров // МИА 117, 200–268.
- Седова М. В.* 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА 65, 223–261.
- Седова М. В.* 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука.
- Смирнова Г. П.* 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода: По материалам раскопок 1951–1954 гг. // МИА 55, 228–248.
- Смирнова Г. П.* 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА 146, 3–10.
- Стёганцев М. А.* 1999. Зависимости, связывающие поступление в эксплуатацию и выход из употребления массового археологического материала. Примеры их использования // SP 5, 179–207.
- Стёганцев М. А.* 2005–2009. Корректировка распределений артефактов из Неревских раскопов Великого Новгорода в нижних ярусах и доярусном слое // SP 5, 689–701.
- Стёганцев М. А.* 2010. Археологическая дискуссия 1959–1961 годов по новгородской хронологии и некоторые эмпирические обобщения // Хузин Ф. Ш. (ред.). Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2. Казань, 5–58.
- Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* 1995. Дендрощкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // ННЗ 9, 106–114.
- Щапова Ю. Л.* 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА 55, 164–179.
- Щапова Ю. Л.* 1963. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА 117, 104–163.
- Щапова Ю. Л.* 1972. Стекло Киевской Руси. М.: Наука.
- Янин В. Л.* 1956. Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // МИА 55, 138–163.
- Янин В. Л.* 1959. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // МИА 65, 299–305.
- Янин В. Л.* 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1, 2. М.: Наука.
- Янин В. Л., Колчин Б. А.* 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 5–56.
- Янина С. А.* 1956. Неревский клад куфических монет X в. // МИА № 55, 180–207.